

ЛИКЪ ПУШКИНА

YMCA — PRESS
PARIS

ЛИКЪ ПУШКИНА

РЪЧИ, ЧИТАННЫЯ НА ТОРЖЕСТВЕННОМЪ
ЗАСЪДАНИИ БОГОСЛОВСКАГО ИНСТИТУТА
ВЪ ПАРИЖЪ

1938

ЛИКЪ ПУШКИНА

РѢЧИ, ЧИТАННЫЯ НА ТОРЖЕСТВЕННОМЪ
ЗАСѢДАНІИ БОГОСЛОВСКАГО ИНСТИТУТА
ВЪ ПАРИЖѢ

Второе изданіе

YMCA-PRESS

11, rue de la Montagne-Ste-Geneviève, 75005 Paris

Жребій Пушкина

1.

Русскій народъ, вмѣстѣ со всѣмъ культурнымъ міромъ, нынѣ поминаетъ великаго поэта. Но никакое міровое почитаніе не можетъ выявить того, чѣмъ Пушкинъ является для насъ русскихъ. Въ немъ самооткровеніе русскаго народа и русскаго генія. Онъ есть въ насъ мы сами, себѣ открывающіеся. Въ немъ говоритъ намъ русская душа, русская природа, русская исторія, русское творчество, сама наша русская стихія. Онъ есть наша любовь и наша радость. Онъ проникаетъ въ душу, срастаясь съ ней, какъ молитва ребенка, какъ ласка матери, какъ золотое дѣтство, пламенная юность, мудрость зрѣлости. Мы дышемъ Пушкинымъ, мы носимъ его въ себѣ, онъ живетъ въ насъ больше, чѣмъ сами мы это знаемъ, подобно тому какъ живетъ въ насъ наша родина. Пушкинъ и есть для насъ въ какомъ то смыслѣ родина, съ ея неизслѣдимой глубиной и наразгаданной тайной, и не только поэзія Пушкина, но и самъ поэтъ. Пушкинъ—чудесное явленіе *Россіи*, ея какъ бы апоѳеозъ, и такъ именно переживается нынѣ этотъ юбилей, какъ *праздникъ* Россіи. И этотъ праздникъ долженъ пробуждать въ насъ искренность въ почитаніи Пушкина, выявлять подлинную къ нему любовь. Но такая любовь не можетъ ограничиться лишь однимъ его славословіемъ или услажденіемъ плѣнительной сладостью его поэзіи. Она должна явиться и серьезнымъ, отвѣтственнымъ дѣломъ, подвигомъ правды въ стремленіи понять Пушкина въ его творствѣ, какъ и въ немъ самомъ. О томъ, кому дано сотворить великое, надлежитъ знать то, что еще важнѣе нежели его твореніе. Это есть его жизнь, не только какъ фактическая біографія, или литературная исторія творчества, но

какъ подвигъ его души, ея высшая правда и цѣнность. Пушкинъ не только есть великій писатель, нѣтъ, онъ имѣетъ и свою религиозную судьбу, какъ Гоголь, или Толстой, или Достоевскій, и, можетъ быть, даже болѣе значительную и, во всякомъ случаѣ, болѣе таинственную. Поэтъ явилъ намъ въ своемъ творчествѣ не только произведенія поэзіи, но и самого себя, откровеніе о жизни своего духа въ ея нетлѣнной подлинности. Нынѣ изучается каждая строка его писаній, всякая подробность его біографіи. Благодарнымъ потомствомъ воздвигнуть достойный памятникъ поэту этой наукой о Пушкинѣ. Но позволительно во внѣшнихъ событіяхъ искать и внутреннихъ свершеній, во временномъ прозрѣвать судьбы вѣчнаго духа, постигать ихъ не только въ земной жизни, но и за предѣлами ея, въ смерти, въ вѣчности. Очевидно, такое задание превышаетъ всякую частную задачу „пушкинизма“. Оно и непосильно въ полной мѣрѣ для кого бы то ни было. И однако оно влечетъ къ себѣ съ неотразимой силой, какъ къ нѣкому, хотя и тяжелому, но священному долгу, отвѣтственности передъ поэтомъ, нашей любви къ нему. Итакъ, да будетъ вѣнкомъ къ его нерукотворному памятнику и эта немощная попытка уразумѣнія его духовнаго пути, въ которомъ таится его судьба, послѣдній и высшій смыслъ его жизни.

Столѣтіе смерти Пушкина. . . Тогда, сто лѣтъ назадъ, эта смерть ударила по сердцамъ какъ народное горе, непоправимая бѣда, страшная утрата. Она переживалась какъ ужасная катастрофа, слѣпой рокъ, злая бессмыслица, отнявшая у русскаго народа его высшее достояніе. Это чувство живо и теперь. И нынѣ, черезъ сто лѣтъ, смерть Пушкина остается въ русской душѣ незаживающей раной. Какъ и тогда, мы стоимъ передъ ней въ растерянной безотвѣтности и мучительномъ недоумѣніи. И мы снова должны до дна испить эту чашу горькой полыни, сызнава пережить эту смерть во всей ея страшной, вопіющей бессмыслицѣ: какъ будто свалившійся съ крыши камень поразилъ на смерть нашего величайшего поэта, и отнялъ его отъ насъ въ цвѣтѣ творческихъ силъ, на вершинѣ мудрости. Даже хотя бы онъ погибъ отъ вражескаго удара, мы еще имѣли бы, на комъ сосредоточить свой гнѣвъ. Но нѣтъ,

Жизнь его не врагъ отъялъ,
Онъ своею жертвой палъ
Жертвой гибельнаго гнѣва.

Пушкину суждено было пасть на дуэли подъ пулей Дантеса, пустого свѣтскаго льва, юнаго кавалергарда, который къ тому же выступилъ на дуэли вмѣсто своего названнаго отца, по вызову самого Пушкина. Противникъ послѣ выстрѣла въ Пушкина ждалъ и принялъ его отвѣтный выстрѣлъ и, если не былъ имъ убитъ, то во всякомъ случаѣ не по отсутствію желанія къ тому самого Пушкина. Презрѣніе и гнѣвъ всѣхъ любящихъ поэта — во всѣ времена и доннынѣ — обычно сосредоточиваются на этомъ чужестранцѣ, на долю котораго выпала такая печальная судьба. Но если заслуживаетъ всякаго порицанія его волокитство за женой Пушкина, впрочемъ столь же обычное въ большомъ свѣтѣ, какъ и въ жизни его самого, то самая смерть Пушкина не можетъ быть вмѣнена Дантесу какъ дѣло злой его воли. Пушкинъ самъ поставилъ къ барьеру не только другого челоувѣка, но и самого себя вмѣстѣ со своей Музой и, въ извѣстномъ смыслѣ, вмѣстѣ со своею женою и дѣтьми¹⁾, со своими друзьями, съ своею Россіей, со всѣми нами. Естественно, что въ теченіе цѣлаго вѣка — и въ наши дни даже больше, чѣмъ когда либо, — вниманіе русской мысли сосредоточивается около этой раны русскаго сердца, нанесенной ему у проклятаго барьера. Какъ это могло случиться? Кто виноватъ? Въ чемъ причина страшнаго событія? Отвѣтъ обычно дается такимъ образомъ, что вина и причина дуэли ищется во внѣ и въ другихъ, всюду, только минуя самого Пушкина. Такъ повелось начиная съ Лермонтова, который, впрочемъ, все-таки не могъ не воскликнуть:

Зачѣмъ отъ мирныхъ нѣгъ и дружбы простодушной
Вступилъ онъ въ этотъ свѣтъ завистливый и душ-
[ный?

---

¹⁾ Пушкинъ по дорогѣ къ мѣсту дуэли встрѣтилъ свою жену, отъ которой отвернулся (жена его тоже не узнала). Въ матеріалахъ нѣтъ никакого упоминанія о его прощаніи съ дѣтьми передъ дуэлью, да оно, конечно, и не могло имѣть мѣста. Семья, которую онъ нѣжно любилъ, какъ бы выпала изъ его сознанія въ этотъ роковой часъ.

Винили и виняты „свѣтъ“, жену поэта, дворъ. Теперь охотнѣе всего виняты еще императора Николая I, будто бы находившагося въ интимной близости съ женой Пушкина (лишенная всякой убѣдительности новѣйшая выдумка). Иныя изъ этихъ обвиненій, конечно, по своему безспорны. Разумѣется, свѣтская среда, въ которой вращался Пушкинъ (однако, если не считать не малаго числа преданныхъ ему и достойныхъ его друзей) не соотвѣтствовала его духовной личности. Ему суждено было одиночество гения, неизбежный удѣлъ подлиннаго величія. Справедливо и то, что онъ страдалъ одинаково какъ отъ преслѣдованій, такъ и отъ покровительства власти, и отъ своего камеръ-юнкерскаго мундира, и отъ двойной цензуры, надъ нимъ тяготѣвшей. Справедливо, конечно, и то, что жена Пушкина со своими свѣтскими вкусами не была на высотѣ положенія, впрочемъ, можетъ быть, и вообще недостижимой въ данномъ случаѣ. Въ совокупности всѣхъ обстоятельствъ, жизнь Пушкина, особенно послѣдніе годы, была тяжела и мучительна. Однако изъ этого все-таки не вытекаетъ того заключенія, которое обычно подразумѣвается или прямо высказывается, какъ очевидное, именно, что эти внѣшнія силы какъ будто подавили личность самого Пушкина и что именно онъ — и только онъ, — привели его къ роковой дуэли. Вообще осмыслить бессмыслицу ищутъ, лишь находя въ злой волѣ другихъ причину смерти Пушкина. Стремясь сдѣлать его самого безответной жертвой, не замѣчаютъ, что тѣмъ самымъ хулятъ Пушкина, упраздняютъ его личность, умаляютъ его огромную духовную силу. Такое истолкованіе является лицепріятнымъ въ отношеніи къ Пушкину, который, конечно, принижается этимъ пристрастіемъ и вовсе не нуждается въ такой защитѣ. Онъ достоинъ того, чтобы самому отвѣтствовать передъ Богомъ и людьми за свои дѣла. Конечно, и Пушкинъ есть только человѣкъ и, какъ таковой, подлежитъ вліяніямъ, какъ и ограниченности своей среды, сословія или класса, и для опредѣленія этихъ вліяній, понятно, умѣстны всякіе соціологическіе реактивы, къ которымъ теперь такъ охотно прибѣгаютъ. Но ими хотятъ до конца разяснить жизнь Пушкина, — а въ частности и его дуэль, — и тѣмъ устранить самую личность Пушкина въ неповторимой тайнѣ ея самотворчества.

Въ этомъ соціологизмъ упраздняется и самая проблема всего „пушкинизма“. И въ отвѣтъ на такія посягательства надо сказать: руки прочь! Пушкинъ достоинъ того, чтобы за нимъ признана была и *личная* отвѣтственность за свою судьбу, которая здѣсь возлагается всецѣло на немощныя плечи этихъ „лукавыхъ, малодушныхъ, шальныхъ, балованныхъ дѣтей, злодѣевъ и тупыхъ и скучныхъ“. Вершина не уничтожается предгоріями. Наша задача понять личность Пушкина въ его собственномъ пути и въ его личной судьбѣ. Его жизнь, хотя и протекала въ опредѣленной средѣ и ею исторически окрашивалась и извнѣ направлялась, однако ею не опредѣлялась въ своемъ собственномъ существѣ.

Ключемъ къ пониманію всей жизни Пушкина является для насъ именно его смерть, важнѣйшее событіе и самооткровеніе въ жизни всякаго человѣка, а въ особенности въ этой трагической кончинѣ. Но развѣ соединимы эти слова: Пушкинъ и трагедія? Развѣ не прославленъ онъ именно какъ носитель аполлиническаго начала свѣтлой гармоніи, радостнаго служенія красотѣ? Однако, гдѣ же гармонія въ этомъ діонисическомъ буйствѣ съ раздраніемъ самого себя? Откуда этотъ страшный конецъ? Аполлонъ на смертномъ ложѣ послѣ смертельнаго поединка! Для того, чтобы постигнуть эту трагедію, мы должны обратиться къ творческой жизни Пушкина и установить нѣкоторыя ея основныя черты. Однако, онѣ существенно связаны съ тѣмъ, что составляетъ его природный характеръ, *homo naturalis*, и на немъ прежде всего надо сосредоточить вниманіе.

2.

Природный обликъ Пушкина отмѣченъ не только исключительной одаренностью, но и таковымъ же личнымъ благородствомъ, духовнымъ аристократизмомъ. Онъ родился баловнемъ судьбы, ибо уже по рожденію принадлежалъ къ высшему культурному слою стариннаго русскаго дворянства, что онъ самъ въ себѣ зналъ и такъ высоко цѣнилъ. Конечно, онъ наслѣдовалъ и всю распушенность русскаго барства, которая еще усиливалась его личнымъ „африканскимъ“ темпераментомъ. При желаніи въ немъ лег-

ко и естественно различается психологія „класса“ или сословія, какъ и обращенность къ французской культурѣ, съ ея утонченностью, но и съ ея отравой. Величайшій русскій поэтъ говорилъ и мыслилъ по французски столь же легко, какъ и по русски, хотя творилъ онъ только на родномъ языкѣ. Даромъ и безъ труда дана была ему эта пріобщенность къ Европѣ, какъ и лучшая по тому времени школа, столь трогательно любимый имъ лицей. Сразу же послѣ школы онъ вступилъ на стезю жизни большого свѣта съ ея пустотой и распущенностью, и спасла его отъ духовной гибели или онѣгинскаго разложенія его свѣтлая муза. Пушкину отъ природы, быть можетъ, какъ печать его генія, дано было исключительное личное благородство. Прежде всего и больше всего оно выражается въ его способности къ вѣрной и безкорыстной дружбѣ: онъ былъ окруженъ друзьями въ юности и до смерти, причемъ и самъ онъ сохранялъ вѣрность дружбѣ черезъ всю жизнь. „Пушкинисты“ очень интересуются „донъ-жуанскимъ“ спискомъ Пушкина, но не менѣе, если не болѣе интересно остановиться и надъ его дружескимъ спискомъ, въ которой вошли всѣ его великіе или значительные современники. Эта способность къ дружбѣ стоитъ въ связи съ другой его — и надо сказать — еще болѣе рѣдкой чертой: онъ былъ исполненъ благоволенія и сочувственной радости не только лично къ друзьямъ, но и къ ихъ творчеству. Ему была чужда мертвящая зависть, темную и ирраціональную природу которой онъ такъ глубоко прозрѣлъ въ „Моцартъ и Сальери“. Подобенъ самому Пушкину его Моцартъ, соединеніе генія и „гуляки празднаго“:

За твое здоровье, другъ, за искренній союзъ,
Связующій Моцарта и Сальери,
Двухъ сыновей гармоніи!

Это голосъ самого Пушкина. Отношеніе Пушкина къ современнымъ писателямъ озарено сіяніемъ этого благоволенія: кого только изъ своихъ современниковъ онъ не благословилъ къ творчеству, не возлюбилъ, не оцѣнилъ! Онъ былъ поистинѣ братомъ для сверстниковъ и признательнымъ сыномъ для старшихъ. Нельзя достаточно налюбоваться на эту его черту. Даже его многочисленныя эпиграммы, выз-

ванная минутнымъ раздраженіемъ, порывомъ гнѣва, большей частью благороднаго, или даже недоразумѣніемъ, свободны отъ низкихъ чувствъ. Есть еще и другая черта, — природная, но и сознательно имъ культивированная, которая имѣетъ исключительную важность для его облика: Пушкинъ не зналъ страха. Напротивъ, его личная отвага и связанное съ этимъ самообладаніе давали ему невѣдомую для многихъ свободу и спокойствіе. Достаточно вспомнить его въ арзерумскомъ походѣ (по воспоминаніямъ и его собственнымъ запискамъ), или это утро послѣдней дуэли, когда онъ за часъ до оставленія дома пишетъ дѣловое письмо Ишимовой и зачитывается ея книгой съ такимъ самообладаніемъ, какъ будто, то былъ самый обыкновенный день въ его жизни. „Есть наслажденіе въ бою, и бездны мрачной на краю“. „Передъ собой кто смерти не видалъ, тотъ полного веселья не вкушалъ“. „Ты, жажда гибели, свободный даръ героя!“ Эта черта зримо и незримо пронизываетъ всю его жизнь, придаетъ ей особую тональность свободы и благородства. Нельзя однако не видѣть, сколь часто эта его безумная отвага овладѣвала имъ, а не онъ владѣлъ ею: отсюда не только безстрашное, но и легкомысленное, безотвѣтственное отношеніе къ жизни, бреттерство, свойственное юности Пушкина въ его дуэльныхъ вызовахъ по пустякамъ, какъ и послѣднее изступленіе: „чѣмъ кровавѣе, тѣмъ лучше“ (сказанное имъ между разговоромъ Соллогубу о предстоящей дуэли). Страхъ не связывалъ Пушкина ни въ его исканіи смерти, ни въ стихійныхъ порывахъ его страстей. И это свойство освобождало въ немъ необузданную стихійность, которая вообще характерна для его природы. Движеніе страстей овладѣвало имъ безудержно и безоглядно. Предохранительные клапаны отсутствовали, задерживающіе центры не работали. Когда Пушкинъ становился игралищемъ страстей, он дѣлался страшенъ (рассказъ Жуковскаго въ разговорѣ съ Соллогубомъ о Геккернѣ: „губы его дрожали, глаза налились кровью. Онъ былъ до того страшенъ, что только тогда я понялъ, что онъ дѣйствительно африканскаго происхожденія“). Пушкинъ былъ стихійный человѣкъ, въ которомъ сила жизни была неразрывно связана съ буйствомъ страстей, причемъ природныя свойства не умѣрялись въ немъ ни рефлексіей, ни аскетической самодисциплиной: онъ могъ

быть — и бываль — великъ и высокъ въ этой стихійности, но и способенъ былъ къ глубокому паденію. Съ этимъ связана и Пушкинская эротика, которая находитъ для себя печальное выраженіе въ его юношеской поэзи, — отчасти подъ вліяніемъ французской литературы. Пушкину пришлось горячо и искренне каяться въ этомъ, — съ истиннымъ величіемъ и безпощадной правдивостью, ему свойственными. Печальное проявленіе той же стихійности въ Пушкинѣ мы наблюдаемъ — притомъ на протяженіи всей его жизни — также въ страсти къ картамъ, которая страннымъ образомъ соединяется въ немъ съ полной трезвостью и даже нѣкоторой практичностью въ денежныхъ дѣлахъ.

Эта африканская стихійность въ Пушкинѣ соединялась съ плѣнительной непосредственностью, очаровательной дѣтскостью поэта. Нельзя было не любоваться на этого веселаго хохотуна, кипучаго собесѣдника, шаловливаго повѣсу. Онъ можетъ съ одинаковымъ самозабвеніемъ лѣтъ на базарѣ со слѣпцами, странствовать съ цыганами, по дѣтски хлопать себѣ самому въ ладоши за своего „Бориса“²⁾, скакать подъ пулями впереди войскъ на Кавказѣ, какъ и — увь! — отдаваться буйству Вакха и Киприды. Дѣтскость есть даръ небесъ, но и трудный, иногда даже опасный даръ, лишь тонкая черта отдѣляетъ его отъ ребячливости или, какъ мы бы сказали теперь, отъ инфантилизма и безотвѣтственности. Въ жизни Пушкина мы наблюдаемъ непрерывно двоящійся характеръ этого дара. Безъ него не было бы слугителя музъ, безпечнаго Моцарта, но и не было бы той безудержности передъ соблазнами жизни, внутренними и внѣшними, которые мы съ такой горечью въ немъ также видимъ . . . Ибо все двойится въ природѣ падшей, даже и райскіе дары, послѣ потеряннаго рая.

3.

Всѣ эти природныя свойства образуютъ ту душевную атмосферу, въ которой живетъ и развивается

---

²⁾ Мнѣ рассказывалъ Л. Н. Толстой (въ одну изъ немногихъ нашихъ встрѣчъ) со словъ какой то современницы Пушкина, какъ онъ хвалился своей Татьяной, что она хорошо отдѣлала Онѣгина. Въ этомъ рассказѣ одного великаго мастера о другомъ обнаруживается вся непосредственность творческаго гения.

геній. Кто можетъ повѣдать о тайнѣ генія, кромѣ только его самого? Кому подъ силу вчувствованіе въ жизнь генія, который имѣетъ свое особое видѣніе вещей, — ясновидѣніе? Геній созерцается нами какъ нѣкое чудо, творческое откровеніе, которое содержитъ въ себѣ нѣчто новое, оригинальное и потому недоступное рациональной рефлексіи. Вѣроятно, состояніе творчества генія есть чувство райскаго блаженства человѣка, для котораго не стоитъ препоны между нимъ и міромъ, съ него солекаются „кожанья ризы“, и онъ сознаетъ себя въ своей божественной первозаданности, какъ дитя Божіе.

„Но лишь божественный глаголъ до слуха чуткаго коснется“, въ отвѣтъ на него, какъ орелъ, пробуждается душа поэта. Однако, даже и наряду съ поэтическимъ геніемъ нельзя не удивляться въ Пушкинѣ какой то нарочитой зрячести ума: куда онъ смотритъ, онъ видитъ, схватываетъ, являетъ. Это одинаково относится къ глубинамъ народной души, къ русской исторіи, къ человѣческому духу и его тайникамъ, къ современности и современникамъ. Замѣчательно, что въ этомъ трудѣ генія безотвѣтственность отсутствуетъ: „служеніе музъ не терпитъ суеты, прекрасное должно быть величаво“. Геній есть и трудъ, способный доводить вещь до завершенности, кончать... Пушкинъ способенъ сказать: „мигъ вождельнный насталь, оконченъ мой трудъ многолѣтній“. И понять подлинное значеніе этихъ словъ можно, взглянувъ на его рукописи.

О томъ, какъ работаль Пушкинъ, говорятъ, впрочемъ, не только его рукописи, но и вся его, такъ сказать, методика изслѣдованія, поэтическаго и историческаго. Какъ писатель, Пушкинъ абсолютно отвѣтствененъ. Онъ выпускаетъ изъ своей мастерской лишь совершенныя изваянія (конечно, кромѣ того словеснаго праха, который, къ сожалѣнію, бываль у него уносимъ порывомъ вѣтра, увлеченіемъ „и временнымъ, и смутнымъ“). Если самого Пушкина мудрость его свѣтлаго ума не всегда могла охранить отъ гибельныхъ страстей, то для другихъ онъ является совѣтникомъ, цѣнителемъ, руководителемъ (какъ, на примѣръ, для Гоголя). Къ сожалѣнію, на него самого легло тяжелое вліяніе эпохи французскаго просвѣтительства XVIII вѣка, его эпикуреизма, вольтеріанства, вмѣстѣ съ религіознымъ невѣріемъ. Но это

было преодолено³⁾ Пушкинымъ естественно, съ духовнымъ его ростомъ, при наступленіи зрѣлости: „такъ краски чуждыя съ годами спадаютъ ветхой чешуей“. Здѣсь слѣдуетъ особенно отмѣтить то, что можно опредѣлить какъ почвенность Пушкина, или, на теперешнемъ нашемъ языкѣ, его „русскость“. Пушкинъ отдалъ полную дань юношеской революціонности, разлитой въ тогдашнемъ обществѣ, въ эту эпоху движенія декабристовъ, но онъ рано преодолѣлъ ихъ интеллигентскую утопичность и барскую безпочвенность. Пушкинъ никогда не измѣнялъ завѣтамъ свободы, не терялъ того свободолюбія, которое было неотъемлемо присуще его благородству и искреннему его народолобію (отъ юношескаго „Въ деревнѣ“: „увиджу ли, друзья, народъ освобожденный“ и до послѣдняго: „что въ нашъ жестокой вѣкъ возславилъ я свободу“). Однако Пушкинъ совершенно освободился отъ налета нигилизма, разрыва съ родной исторіей, который составлялъ и составляетъ самую слабую сторону нашего революціоннаго движенія. Для насъ не важно сейчасъ опредѣлять, въ какой мѣрѣ Пушкинъ переходилъ мѣру въ своемъ консерватизмѣ, можетъ быть и подвляніемъ Жуковскаго. Все это — частности, но опредѣ-

---

³⁾ Въ очеркѣ „Александръ Радищевъ“ (1836 г.) мы читаемъ о Гельвеціи: „они жадно изучили начала его пошлой и безплодной метафизики... Теперь было бы для насъ непонятно, какимъ образомъ холодный и сухой Гельвецій могъ сдѣлаться любимцемъ молодыхъ людей.“ По поводу сочиненія Радищева: „О челоуѣкѣ и его смертности и безсмертіи“ Пушкинъ говоритъ: „уствования одного пошлы и не оживлены слогомъ. Радищевъ хотя и вооружается противъ матеріализма, но въ немъ еще виденъ ученикъ Гельвеція. Онъ охотнѣе излагаетъ, нежели опровергаетъ доводы чистаго атеизма“. (Въ этомъ же очеркѣ, между прочимъ, Пушкинъ называетъ мысль „священнымъ даромъ Божиимъ“). Въ „Мысляхъ на дорогѣ“ говорится о благотворномъ вліяніи нѣмецкой философіи на московскую молодежь тѣмъ, что „она спасла молодежь отъ холоднаго скептицизма французской философіи“. Въ юношескомъ стихотвореніи „Безвѣріе“ (1817 г.) Пушкинъ на основаніи опыта изображаетъ его растлѣвающее вліяніе на умы, — „когда умъ ищетъ Божества, а сердце не находитъ“. Къ своему прошлому самъ Пушкинъ умѣлъ относиться безпощадно: „началь я писать съ 13-лѣтняго возраста и печатать почти съ того же времени. Многое желалъ бы я уничтожить, какъ недостойное даже и моего дарованія, каково бы оно ни было. Иное тяготѣетъ какъ упрекъ на совѣсти моей. По крайній мѣрѣ не долженъ я отвѣчать за проказы“, — „стихи, преданные мною забвенію или написанные не для печати, или которые простительно было бы мнѣ написать на 19-омъ году, но непростительно признать публично въ возрастѣ зрѣломъ и степенномъ“.

ляющимъ началомъ въ мышленіи Пушкина въ пору его зрѣлости было духовное возвращеніе на родину, конкретный историзмъ въ мышленіи, почвенность. Въ этомъ же контекстѣ онъ понималъ и значеніе православія въ историческихъ судьбахъ русскаго народа. Послѣднее, естественно, пришло вмѣстѣ съ преодоленіемъ безбожія и связанной съ этимъ переоцѣнкой цѣнностей. Дѣйствительно, могъ ли Пушкинъ, съ его проникающимъ въ глубину вещей взоромъ, остаться при скудной и слѣпой доктринѣ безбожія и не постигнуть всего величія и силы христіанства? ⁴⁾ Только безстыдство и тупоуміе способны утверждать безбожіе Пушкина передъ лицомъ неопровержимыхъ свидѣтельствъ его жизни, какъ и его поэзіи. Переворотъ или естественный переходъ Пушкина отъ невѣрія (въ которомъ, впрочемъ, и раньше было больше легкомыслія и снобизма, нежели серьезнаго умонастроенія) совершается въ серединѣ 20-хъ годовъ, когда въ Пушкинѣ мы наблюдаемъ опредѣленно начавшую религиозную жизнь. Ее онъ въ общемъ, по своему обычаю, таилъ, но о ней онъ какъ бы проговаривался въ своемъ творчествѣ, и тѣмъ цѣннѣе для насъ эти свидѣ-

---

⁴⁾ Извѣстно отношеніе зрѣлаго Пушкина къ Библии и Евангелію во всей ихъ святой единственности. Таково же оно и въ отношеніи къ христіанству, какъ исторической силѣ. Такъ онъ говоритъ о „проповѣданіи Евангелія“ среди Кавказскихъ горцевъ: „развѣ истина дана для того, чтобы скрывать подъ спудомъ? Такъ ли мы исполняемъ долгъ христіанина? Кто изъ насъ, мужъ вѣры и смиренія, уподобился святымъ старцамъ, скитающимъ по пустынямъ Африки, Азіи и Америки, въ рубищахъ, часто безъ обуви, крова и пищи, но оживленныхъ тепломъ усердія?... Мы умѣемъ спокойно въ великолѣпныхъ храмахъ блестя вельрѣчіемъ... Кавказъ ожидаетъ христіанскихъ миссіонеровъ“. (Путешествіе въ Арзерумъ). Пушкинъ съ тревожнымъ интересомъ провѣряетъ молву, будто язиды поклоняются сатанѣ. Убѣдившись въ невѣрности ея, онъ прибавляетъ: „это объясненіе меня успокоило. Я очень радъ былъ за язидовъ, что они сатанѣ не поклоняются, и заблужденія ихъ показали мнѣ гораздо простительнѣе“. Въ отношеніи къ значенію православія для русскаго народа слѣдуетъ вспомнить слѣдующія сужденія Пушкина: „Екатерина явно гнала духовенство, жертвуя тѣмъ своему неограниченному властолюбію и угрожающаго духу времени“. Но „греческое вѣроисповѣданіе, отдѣльное отъ всѣхъ прочихъ, даетъ намъ особенный національный характеръ. Въ Россіи вліяніе духовенства столь же было благотворно, сколько пагубно въ земляхъ римско-католическихъ... огражденное святыней религіи, оно было всегда посредникомъ между народомъ и государемъ, какъ между человекомъ и божествомъ. Мы обязаны монахамъ нашей исторіей, слѣдовательно, и просвѣщеніемъ“ (Историческ. очерки, 1822 г.)

тельства. Можно ли передъ лицомъ всѣхъ его религиозныхъ вдохновеній говорить о нерелигиозности Пушкина? Пушкинъ, какъ историкъ, какъ поэтъ и писатель, и наконецъ — что есть, можетъ быть, самое важное и интимное — въ своей семьѣ, конечно, является собой образъ вѣрующаго христіанина. Могло ли быть иначе для того, кто способенъ былъ прозирать глубину вещей, постигать дѣйствительность? Въ прошломъ Россіи онъ обрѣлъ образъ лѣтописца и слѣпца, прсзрѣвшаго на мощахъ царевича Димитрія, въ настоящемъ онъ услышалъ великопостную молитву и даже вразумленіе митрополита Филарета. Онъ постигалъ всю единственность Библии и Евангелія. Онъ крестя призывалъ благословеніе Христово на семью свою при жизни (во многихъ письмахъ) и передъ смертью. Онъ умилялся передъ дѣтской простотой молитвы своей жены, онъ зналъ Бога. И однако, если мы захотимъ опредѣлить мѣру этого вѣдѣнія, жизни въ Богѣ у Пушкина, то мы не можемъ не сказать, что личная его церковность не была достаточно серьезна и отвѣтственна, вѣрнѣе, она все-таки оставалась барски-поверхностной, съ непреодолимнымъ язычествомъ сословія и эпохи⁵⁾. Казалось, орлиному взору Пушкина все было открыто въ русской жизни. Но какъ же взоръ его въ жизни церковной не устремился дальше свято-горскаго монастыря и даже м. Филарета? ⁶⁾ Какъ онъ не примѣтилъ, хотя бы черезъ своихъ друзей Гоголя и Кирѣевскаго, изумительнаго явленія Оптиной пустыни съ ея старцами? Какъ могъ онъ не знать о святителѣ Тихонѣ Задонскомъ? И, самое главное, какъ могъ онъ не слышать о преподобномъ Серафимѣ, своемъ великомъ современникѣ? Какъ не встрѣтились два солнца Россіи? Послѣднее есть роковой и значительный, хотя и отрицательный, фактъ въ жизни Пушкина, имѣющій символическое

---

⁵⁾ Больно читать въ письмѣ къ женѣ — особенно въ свѣтѣ собственной судьбы Пушкина — его совершенно языческое, хотя и собственное его кругу, сужденіе о дуэли. „То, что ты пишешь о Павловѣ, примирило меня съ нимъ. Я радъ, что онъ вызвалъ Апрельева. У насъ убійство можетъ быть гнуснымъ расчетомъ: оно избавляетъ отъ дуэли и подвергается одному наказанію, а не смертной казни“.

⁶⁾ Собственное отношеніе Пушкина къ митрополиту Филарету (по крайней мѣрѣ позднѣйшее) является отнюдь не положительнымъ: въ замѣткахъ 1835 г. онъ называетъ его „старымъ лукавцемъ“.

значеніе: Пушкинъ прошелъ мимомъ преп. Серафима, его не примѣтя. Очевидно, не на путяхъ историческаго, бытового и даже мистическаго православія пролегла основная магистраль его жизни, судьбы его. Ему былъ свойственъ свой личный путь и особый удѣлъ, — предстояніе предъ Богомъ въ служеніи поэта.

4.

Что есть поэзія и чему служить поэтъ? „Поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли“, — сказалъ другъ Пушкина Жуковский. Точнѣе эта мысль должна быть выражена такъ: поэзія божественна въ своемъ источникѣ, она есть созерцаніе славы Божества въ твореніи. Не Богъ, но Божество, Его откровеніе въ твореніи, по преимуществу доступно поэзіи. Поэтическое служеніе, достойное своего жребія, есть священное и страшное служеніе: поэтъ въ своей художественной правдѣ есть свидѣтель горняго міра, и въ этомъ призваніи онъ есть „самъ свой высшій судъ“. Поэты „рождены для вдохновенья, для звуковъ сладкихъ и молитвъ“, и это вдохновеніе есть „признакъ Бога“, „чистое упоеніе любви поэзіи святой“. Но оно знаетъ и надъ собой еще болѣе высшій судъ, предъ которымъ склоняется: „вельнію Божію, о муза, будь послушна“. Поэзія есть служеніе истинѣ въ красотѣ, но не лживымъ призракамъ, облеченнымъ въ красоту, растлѣвающимъ музу¹⁾ Что же именно заставляеть поэта называть поэзію святой? Свято для него (въ своемъ особомъ смыслѣ) служеніе красотѣ, способность „благоговѣть богомольно предъ святыней красоты“, ея видѣніе и свидѣтельство о ней чрезъ творческое видѣніе въ искусствѣ. Поэтъ воспринимаетъ міръ какъ откровеніе красоты, въ которой и чрезъ которую ему открывается, становится доступной и мудрость. Источникъ красоты въ небесахъ, истинная красота — отъ Духа Святаго. Зналъ ли это Пушкинъ? Вѣдалъ ли онъ, какимъ избраніемъ отяготѣла на немъ рука Божія въ его поэтическомъ дарѣ?

¹⁾ Двусмысленно и соблазнительно звучація слова:

„Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже

Насъ возвышающій обманъ“

въ контекстѣ теряютъ свое прямое значеніе, что „viel lügen die Dichter“.

Было бы наивно и „прелестно“ думать, что падшему человѣку, хотя бы и великому поэту, доступна въ чистотѣ небесная красота, свѣтлое ея пламя, купина неопалимая. Небесные лучи проникають въ поднебесную, разлагаясь и преломляясь въ сердцѣ чело-вѣческомъ, изъ котораго исходятъ всѣ помышленія его, добрыя и злыя. Искусство не автоматически и не медунично въ своихъ вдохновеніяхъ, въ немъ совершается личное творчество, откровеніе личности поэта, возносимаго на крыльяхъ красоты. Уже Платонъ зналъ, что есть не одна, но двѣ красоты, двѣ Афродиты: небесная и простонародная, ангельская и бѣсовская. Зналъ и Достоевскій, что „красота страшная вещь, здѣсь Богъ съ діаволомъ борется, а поле битвы сердца людей“. Зналъ это по своему, конечно, и Пушкинъ, который являлся одновременно служителемъ красоты, какъ и ея плѣнникомъ⁹⁾. Человѣческому сердцу дано растрѣвать красоту и растрѣваться ею, и властью этой обладаетъ и искусство. Въ низинахъ его пресмыкается блудъ, живетъ „великая блудница, тайна, вавилонъ великій“, на вершинахъ горитъ заря безсмертія, открывается „Богъ въ святыхъ мечтахъ земли“. Чѣмъ же было поэтическое творчество для Пушкина? Пушкинъ говоритъ о святости поэзіи, о святомъ ея очарованіи, о святынѣ красоты. *Святость* есть вообще у него самая высшая категорія. Будучи менѣе всего философомъ по складу своего ума, Пушкинъ является подлиннымъ мудрецомъ относительно поэзіи, какъ служенія красоты. И самый важный вопросъ, который здѣсь возникаетъ о Пушкинѣ, таковъ: каково въ немъ было отношеніе между поэтомъ и человѣкомъ въ поэзіи и жизни? Кто его муза: „Афродита небесная“ или же „простонародная“? Нельзя отрицать, что Пушкинъ нерѣдко допускалъ до себя и послѣднюю, поэтизировалъ низшія, „несублимированныя“ и непреобра-

9) Въ часы забавъ иль праздной скуки
 Бывало музѣ я моей
 Вѣтрѣяль изнѣженные звуки
 Безумства, лѣни и страстей,
 но
 Твоимъ огнемъ душа пала
 Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
 И внемлетъ арфѣ серафима
 Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

Двѣ красоты, два вдохновенія, какъ бы двѣ лиры.

женныя страсти, тѣмъ совершая грѣхъ противъ искусства, его профанируя. Но все же и при этой профанаціи, за которую онъ самъ же себя бичеваль впоследствии, Пушкинъ твердо зналъ, что поэзія приходитъ съ высоты, и вдохновеніе— „признакъ Бога“, даръ божественный. Пушкинъ никогда не былъ атеистомъ въ поэзіи, даже въ тѣ времена, когда онъ принижалъ свою лиру до недостойныхъ кощунствъ и пародій⁹⁾. Здѣсь нельзя не остановиться на постоянныхъ и настоячивыхъ свидѣтельствахъ Пушкина объ его музѣ, которая „любила его съ младенчества“ и въ разныхъ образахъ являлась ему на его жизненномъ пути¹⁰⁾.

Что это? Литературный образъ? Но слишкомъ конкретенъ и массивенъ этотъ образъ у Пушкина, что бы не думать, что за нимъ скрывается подлинный личный опытъ какого то наитія, какъ бы духовнаго одержанія. Не есть ли Пушкинская муза самосвидѣтельство софійности его поэзіи, воспринимаемое

---

⁹⁾ Характерно его отношеніе къ Гавриладѣ, которая представляетъ собой главный поэтический грѣхъ Пушкина (именно поэтический, а не эстетическій, потому что эстетически она стоитъ на уровнѣ его мастерства). Едва ли можно сомнѣваться въ ея принадлежности Пушкинскому перу, и однако мы наблюдаемъ его стремленіе даже передъ друзьями всячески отрицаться этого произведенія (и ужъ, конечно, по мотивамъ не только практическимъ). Такъ онъ пишетъ кн. Вяземскому (въ 1828 году): „Мнѣ навязалась на шею преглупая шутка. До правительства дошла наконецъ Гаврилада, приписываютъ ее мнѣ, донесли на меня, и я вѣроятно отвѣчу за чужія проказы, если Горчаковъ не явится съ того свѣта отстаивать права на свою собственность“. Кромѣ безпардонныхъ эстетовъ (или тупоумныхъ безбожниковъ) всѣ читатели Пушкина испустили бы вздохъ облегченія, если бы, дѣйствительно, могли повѣрить въ авторство Горчакова и его способность владѣть пушкинскимъ стихомъ.

¹⁰⁾ Мы имѣемъ въ поэзіи Пушкина многообразныя и многочисленныя свидѣтельства о музѣ. Сюда относятся: „Муза 1821 г.“ (Въ младенствѣ моемъ), „Моя эпитафія“ (1815), „Чаадаеву“ (1821), „Наперсница веселой старины“ (1821), „Вотъ муза, рѣзвая болтуня“ (1821), „Къ ххх“ (1822), „Ты правъ“, „Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ“ (1824), „19 октября 1825 г.“, особенно же 8-ая глава „Евгенія Онѣгина“, строфы 1-6, гдѣ изображается поэтическая жизнь Пушкина въ различныхъ явленіяхъ его музы, которая какъ будто пронизываетъ красотой и смысломъ мелькающую жизнь, ея „мышью бѣготню“, отъ мелкаго и обыденнаго до самаго высокаго.

Она меня во мглѣ ночной
Водила слушать шумъ морской
Немолчный шопотъ Нереиды,
Глубокой вѣчный хоръ валовъ,
Хвалебный гимнъ Отцу міровъ (6).

имъ „яко зеркаломъ въ гаданіи“? Это наитіе описывается имъ какъ нѣкое пифійство, въ которомъ испытывается блаженство вдохновенія.

И забываю міръ, и въ сладкой тишинѣ, —
Я сладко усыпленъ моимъ воображеньемъ,
И пробуждается поэзія во мнѣ
Душа стѣсняется лирическимъ волненъемъ,
Трепещетъ и звучитъ и ищетъ какъ во снѣ
Излиться, наконецъ, свободнымъ проявленъемъ.

Но при этой какъ будто произвольности поэзія самоотвѣтственна. Она есть трудъ и служеніе: „веленію Божію, о муза, будь послушна“. Насколько же это послушаніе распространяется отъ музы и на самого поэта? Да, оно не совмѣстимо съ низостью и преступленіемъ, Бонаротти не могъ быть убійцей, ибо „геній и злодѣйство двѣ вещи несовмѣстныя“. Но требуетъ ли святыня красоты святости отъ своего служителя? Если она свята, святъ ли служитель? Пушкинъ въ „Поэтѣ“ даетъ на этотъ вопросъ столь же правдивый, сколько и страшный отвѣтъ:

Доколь не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ
.....
Молчитъ его святая лира
Душа вкушаетъ хладный сонъ
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра
Быть можетъ всѣхъ ничтожнѣй онъ.

Стало быть, въ поэтѣ можетъ быть совмѣщено величайшее ничтожество съ пифійнымъ наитіемъ „божественнаго глагола“, „два плана“ жизни безъ всякой связи между ними. Выразилъ ли здѣсь Пушкинъ то, что самъ онъ считалъ нормальнымъ соотношеніемъ между творцомъ и творчествомъ? или же это есть стонъ души плѣненной, которая сама ужасается своей плѣненности и подвергаетъ ее безпощадному суду? Дается ли здѣсь поэту, такъ сказать, право на личное ничтожество? И совмѣстимо ли это послѣднее съ самодовлѣющимъ величіемъ „царя“ въ его одиночествѣ и свободѣ, въ жертвенности его служенія? Не обращается ли здѣсь поэтъ со словомъ укора и раскаянія, ему столь свойственныхъ, къ самому себѣ, къ своему духу?

Вторая половина 20-х годов есть наиболее важная эпоха в творческой жизни Пушкина, когда в нем совершается духовное пробуждение, и окончательно преодолевается легкомыслие юношеского атеизма и эпикурейства: в муках кризиса Пушкин как будто рождается духовно. Он в это время переживает ужас духовной пустоты: „дарь мгновенный, дарь случайный, жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?“. Онъ судить теперь свою юность высшимъ, нелицеприятнымъ судомъ: „и съ отвращеніемъ читаю жизнь мою, я трепещу и проклинаю, и горько жалуясь, и горько слезы лью, но строкъ печальныхъ не смываю“.

„Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье
Мнѣ тяжело, какъ смутное похмѣлье,
Но какъ вино печаль минувшихъ дней
Въ моей душѣ, чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй“ (1830)

Надо считаться съ тѣмъ, какъ умѣлъ таить себя Пушкинъ, и какъ былъ правдивъ и подлиненъ онъ въ своей поэзіи, при сужденіи объ этихъ сравнительно немногихъ высказываніяхъ, что бы оцѣнить во всемъ значеніи эти вѣхи сокровеннаго его пути къ Богу. И эти вѣхи приводятъ насъ къ тому, что является не только вершиной пушкинской поэзіи, но и всей его жизни, ея величайшимъ событіемъ. Мы разумѣемъ Пророка. Въ зависимости отъ того, какъ мы уразумѣваемъ Пророка, мы понимаемъ и всего Пушкина. Если это есть только эстетическая выдумка, одна изъ темъ, которыхъ ищутъ литераторы, тогда нѣтъ великаго Пушкина, и намъ нечего нынѣ праздновать. Или же Пушкинъ описываетъ здѣсь то, что съ нимъ самимъ было, т. е. данное ему видѣніе божественнаго міра подъ покровомъ вещества? Сначала здѣсь говорится о томленіи духовной жажды, которое его гонитъ въ пустыню: уже не Аполлонъ зоветъ къ своей жертвѣ „ничтожнѣйшаго изъ дѣтей міра“, но пророчесвенный духъ его призываетъ, и не къ своему собственному вдохновенію, но къ встрѣчѣ съ шестикрылымъ серафимомъ, въ страшномъ образѣ котораго нынѣ предстаетъ ему Муза. И вотъ

Моихъ зѣницъ коснулся онъ —
Открылись вѣщія зѣницы

Какъ у испуганной орлицы.
Моихъ ушей коснулся онъ,
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ.
И внялъ я неба содраганье,
И горній ангеловъ полеть,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольной лозы прозябанье.

За этимъ слѣдуетъ мистическая смерть и высшее посвященіе:

И онъ къ устамъ моимъ приникъ,
И вырвалъ грѣшный мой языкъ,
И празднословный, и лукавый,
И жало мудрое змѣи
Въ уста замершія мои
Вложилъ десницею кровавой.
И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ,
И сердце трепетное вынулъ,
И уголь, пылающій огнемъ
Во грудь отверстую водвинулъ.
Какъ трупъ въ пустынѣ я лежалъ...

И послѣ этого поэтъ призывается Богомъ къ пророческому служенію: „Исполнишь волею Моей“. Въ чемъ же эта воля? „Глаголомъ жгѣи сердца людей“!

Если бы мы не имѣли всѣхъ другихъ сочиненій Пушкина, но передъ нами сверкала бы вѣчными снѣгами лишь эта одна вершина, мы совершенно ясно могли бы увидѣть не только величіе его поэтическаго дара, но и всю высоту его призванія. Такихъ строкъ нельзя сочинить, или взять въ качествѣ литературной темы, переложенія, да это и не есть переложеніе. Для Пушкинскаго Пророка нѣтъ прямого оригинала въ Библии. Только образъ угля, которымъ коснулся устъ Пророка серафимъ, мы имѣемъ въ 6-ой главѣ кн. Исаи. Но основное ея содержаніе, съ описаніемъ богоявленія въ храмѣ, существенно отличается отъ содержанія пушкинскаго Пророка: у Исаи описывается явленіе Бога въ храмѣ, въ Пророкѣ явленная софійность природы. Это совсѣмъ разныя темы и разныя откровенія. Однако, и здѣсь мы имѣемъ нѣкое обрѣзаніе сердца, Божіе призваніе къ пророческому служенію. Тотъ, кому дано было сказать эти слова о Пророкѣ, и самъ ими при-

званъ былъ къ пророческому служенію. Совершился ли въ Пушкинѣ этотъ переломъ, вступилъ ли онъ на новый путь, имъ самимъ осознанный? Мы не смѣемъ судить здѣсь, дерзновенно беря на себя судъ Божій. Но лишь въ свѣтѣ этого призванія и посвященія можемъ мы уразумѣвать дальнѣйшія судьбы Пушкина. Не подлежитъ сомнѣнію, что поэтический даръ его, вмѣстѣ съ его чудесной прозорливостью, возросталъ, насколько онъ могъ еще возрасти, до самаго конца его дней. Какого либо ослабленія или упадка въ Пушкинѣ, какъ писателя, нельзя усмотрѣть. Однако, остается открытымъ вопросъ, можно ли видѣть въ немъ то духовное возрастаніе, ту растущую напряженность духа, которыхъ естественно было бы ожидать, послѣ 20-ыхъ годовъ, на протяжении 30-ыхъ годовъ его жизни? Не преобладаетъ ли здѣсь мастерство надъ духовной напряженностью, искусство надъ пророчесственностью? Не чувствуется ли здѣсь скорѣе нѣкоторое духовное изнеможеніе, въ которомъ находящійся во цвѣтѣ силъ поэтъ желалъ бы скрыться въ заоблачную келью, хотя и „въ сосѣдство Бога“, а сердце, которое умѣло хотѣть „жить, чтобы мыслить и страдать“, просить „покоя и воли“, — „давно усталый рабъ замыслилъ я побѣгъ“¹¹⁾? Эту тонкую, почти неуловимую перемену въ Пушкинѣ мы хотимъ понять, что бы и въ этомъ также отъ него научиться.

Можно безъ конца надрывать въ обличеніяхъ среды, въ которой вращался Пушкинъ. И тѣмъ не менѣе, всего этого недостаточно, что бы объяснить то духовное его изнеможеніе, которое явственно обозначается у него съ 30-ыхъ годовъ. Что же именно произошло съ нимъ самимъ, въ его свободѣ, въ его духѣ, отъ всего внѣшняго отвлекаясь, хотя бы его и учитывая? Неужели же та самая Россія, которая могла породить и вскормить Пушкина, съ извѣстнаго времени оказалась способна его только удушать и, наконецъ, погубить? ¹²⁾

---

¹¹⁾ Правда, почти одновременно съ этимъ стонемъ поэтъ хочетъ увѣрить себя:

О нѣтъ, мнѣ жизнь не надоѣла,
Я жить хочу, я жить люблю,
Душа не во все охладѣла
Утративъ молодость свою.

¹²⁾ Дѣйствительно, Пушкинъ однажды обмолвился въ письмѣ къ женѣ (уже въ 1836 году): „... догадало меня родиться въ

Въ „полдень“ жизни Пушкинъ, послѣ распушенности бурной юности, испытываетъ потребность семейнаго уюта: „мой идеаль теперь хозяйка, да шей горшокъ да самъ большой“. Однако, выполнить эту „фламандскую“ программу жизни для вовсе не фламандскаго поэта было не такъ просто, чтобы не сказать невозможно, какъ невозможно было бы это для его „Бѣднаго Рыцаря“, опаленнаго видѣніемъ нездѣшной красоты. Именно трагедія красоты, являемой въ образахъ женской прелести, какъ разъ подстерегала Пушкина на его фламандскихъ путяхъ. Земная красота трагична, и страсть къ ней въ земныхъ воплощеніяхъ таитъ трагедію и смерть. Афродита и Гадесъ — одно: это знали еще древніе. И само откровеніе о любви также свидѣтельствуемъ: „крѣпка какъ смерть любовь, и какъ преисподняя ревность“ (Пѣснь Пѣсней). И Пушкину суждено было сгорѣть на этомъ огнѣ. Однако, первоначально узелъ трагедіи завязывается въ идилліи: Пушкинъ пытается свить себѣ семейное гнѣздо. Отнынѣ судьба его опредѣлилась встрѣчей съ красавицей Гончаровой. Онъ пережилъ эту встрѣчу (послѣ другихъ „видѣній чистой красоты“) еще разъ, какъ явленіе „святыни красоты“¹³⁾, облекавшей однако довольно прозаическую посредственность. Пушкинъ въ ослѣпленіи влюбленности называлъ ее даже и „мадонной“, явно смѣшивая и отождествляя внѣшнюю красоту и духовную святость. Однако, она одинаково не оказалась ни „хозяйкой“, потому что этому мѣшало ея призваніе быть царицей баловъ, ни музой (извѣстно ея равнодушіе къ творчеству Пушкина). Однако, именно красота сдѣ-

---

Россіи съ душой и талантомъ“¹⁴⁾. Однако, это есть стонъ изнеможенія отъ своей жизни, но не выраженіе его основного чувства къ родинѣ, его почвенности.

¹³⁾ Въ альбомѣ красавицъ“ обычно относится именно къ Н. Н. Гончаровой. Правда, единственный автографъ этого стихотворенія, найденный въ 1930 году, оказался вырваннымъ изъ альбома другой красавицы, гр. Е. М. Завадовской, но это не имѣетъ рѣшающаго значенія для вопроса объ его первоначальномъ назначеніи и посвященіи.

лалась для него узами всяческаго рабства¹⁴⁾. Его удѣломъ было искать денегъ во что бы то ни стало на туалеты жены и свѣтскую жизнь. Нельзя не чувствовать жгучей боли передъ этой картиной жизни Пушкина, который до извѣстной степени и самъ погружался въ эту пустоту свѣтской жизни¹⁵⁾. И, конечно, не въ ничтожномъ Дантесѣ или въ коварномъ Геккеренѣ, которые явились орудіемъ его рока, надо видѣть истинную причину гибели Пушкина, а во всемъ этомъ пути жизни, на который поставленъ онъ былъ послѣ женитьбы. Онъ не есть ни путь поэта, ни тайновидца міра. Въ концѣ своего жизненнаго пути Пушкинъ задыхался и искалъ смерти, и это толкало его къ гибели на дуэли. Раньше Дантеса и Геккерена онъ вызывалъ въ 1836 году на дуэль своего друга графа Соллогуба и близокъ былъ къ тому же относительно князя Репнина. Овлаждѣвавшее имъ отчаяніе нашло въ домогательствахъ и интригахъ обоихъ Геккереновъ наиболѣе естественный и какъ будто оправданный исходъ. Но эта встрѣча (вмѣстѣ съ анонимными письмами и дипломомъ) является все-таки второстепенной и сравнительно случайной. Рѣшающимъ было то, что такъ жить Пушкинъ не могъ, и такая его жизнь неизбѣжно должна была кончиться катастрофой. Скорѣе нужно удивляться тому, какъ еще долго могъ онъ выносить эту жизнь, со-

---

¹⁴⁾ Пушкинъ увѣряетъ самого себя въ письмѣ къ женѣ (уже въ 1832 г.): „никогда я не думалъ упрекать тебя въ своей зависимости. Я долженъ былъ на тебѣ жениться, потому что всю жизнь былъ бы безъ тебя несчастливъ“. (Этому утвержденію совершенно не соотвѣтствуютъ фактическія обстоятельства, сопровождавшія его женитьбу: Пушкинъ и тогда уже сравнительно легко утѣшался въ своихъ неудачахъ) „Но — продолжаетъ поэтъ — я не долженъ былъ вступать на службу, и что еще хуже, опутать себя денежными обязательствами. ... Теперь они смотрятъ на меня какъ на холопа. Но ты во всемъ этомъ не виновата, а виновать я изъ добродушія, коимъ я преисполненъ до глупости, несмотря на опыты жизни“.

¹⁵⁾ Гоголь жалуется Данилевскому: „Пушкина нигдѣ не встрѣтишь, какъ только на балахъ. Такъ онъ протранжирить всю жизнь свою, если только какой-нибудь случай или болѣе необходимость не затащатъ его въ деревню“. Мы видимъ, какъ Пушкинъ время отъ времени порывается выйти въ отставку, сбросить цѣпи, ухъать, и когда это случалось, его въ деревенскомъ уединеніи посѣщало вдохновеніе. Но это желаніе неизбѣжно разбивалось о разнаго рода препятствія, которыя оказались непреодолимыми для Пушкина.

стоявшую изъ безконечной серіи баловъ, исканія денегъ, придворной суеты. Здѣсь, конечно, не слѣдуетъ умалять, — какъ не слѣдуетъ и преувеличивать — раздражающаго дѣйствія правительственнаго надзора, безсмыслія цензуры, неволи камеръ-юнкерства. Пушкина спасалъ лишь его чудесный поэтический даръ : Михайловскія роши пріяли въ немъ

...уже

Усталого пришельца. Я еще былъ молодъ, но
судьба

Меня борьбой неравной истомила.
Я былъ одинъ. Врага я видѣлъ въ каждомъ,
Измѣнника — въ товарищѣ минутномъ,
И бурныя кипѣли въ сердцѣ чувства,
И ненависть, и греза мести блѣдной.
Но здѣсь меня таинственнымъ щитомъ
Прощеніе святое осѣнило,
Поэзія, какъ Ангель утѣшитель,
Спасла меня.

По свидѣтельству друзей, Пушкинъ почти накануне дуэли былъ исполненъ особаго религіознаго вдохновенія, онъ говорилъ о путяхъ Провидѣнія, о благоволеніи. Но это были свѣтоносныя молніи во мракѣ его собственной неудачнической жизни.

Что же произошло въ судьбѣ Пушкина, какъ содалась эта безысходность въ жизни того, кому дано было животворить? Мы можемъ сейчасъ почти съ фотографической точностью изобразить внѣшній ходъ событій со всей ихъ роковой неизбѣжностью и далѣе — соотвѣтственно личнымъ взглядамъ — заклеить съ наибольшей силой: свѣтъ, дворъ, царя, жену Пушкина. Но въ духовной жизни внѣшняя принудительность имѣетъ не абсолютную, а лишь относительную силу: нѣтъ желѣзнаго рока, а есть духовная судьба, въ которой послѣдовательно развертываются и осуществляются внутреннія самоопредѣленія. И въ этомъ смыслѣ судьба Пушкина есть, прежде всего, его собственное дѣло. Отвергнуть это, значитъ совершенно лишитъ его самого отвѣтственнаго дара, — свободы, превративъ его судьбу въ игральное внѣшнихъ событій. Надъ свободой Пушкина до конца не властны были одинаково ни Бенкендорфская полиція, ни мнѣніе свѣта, ни дворъ. Итакъ, рѣчь идетъ о томъ, что именно происходило въ душѣ самого Пушкина?

Смерть на дуэли не явилась неожиданной случайностью въ жизни Пушкина. Напротивъ, призракъ ея, какъ нѣкій рокъ, какъ навязчивая идея, преслѣдовалъ его воображеніе. Онъ какъ будто заранѣе переживалъ ее въ творческомъ воображеніи, уже въ Евгени Онѣгинѣ (послѣ убійства Ленскаго, „окрававленная тѣнь ему являлась каждый день“), и даже какъ будто напередъ произносилъ судъ надъ собой¹⁶⁾. Такъ же томило его и предчувствіе скорой смерти, которой онъ одновременно и ждалъ, и вмѣстѣ по язычески отвращался. Постигалъ онъ въ поэтическомъ воображеніи заранѣе и муки ревности¹⁷⁾. Противникъ Пушкина былъ настолько его недостойнъ, что нужно говорить не о немъ, а о томъ вулканѣ страсти, который бушевалъ въ сердцѣ поэта и искалъ изверженія. Въ этомъ совершалась судьба Пушкина, какъ трагедія красоты. На крыльяхъ ея онъ былъ вознесенъ на высоту, но служитель красоты недѣшной оказался въ цѣпяхъ неволи красоты земной. И эта неволя какъ будто заглушила въ немъ слышанное въ пустынѣ, потеряна была дорога жизни.

¹⁶⁾ Вотъ этотъ судъ:

(Онѣгинъ) былъ долженъ оказать себя
Не мячикомъ предубѣжденій,
Не пылкимъ мальчишкомъ, бойцомъ,
Но мужемъ съ честью и умомъ.
Но шопотъ, хотоня глупцовъ,
И вотъ общественное мнѣнье,
Пружина чести, нашъ кумиръ,
И вотъ на чемъ вертится міръ.

(Евг. Онѣг., гл. 6, стр. 11)

¹⁷⁾ Трудно сказать объ этомъ что либо болѣе сильное, нежели имъ самимъ сказано:

Да, да, вѣдь ревности припадки —
Болѣзнь такъ точно, какъ чума,
Какъ черный сплинъ, какъ лихорадка,
Какъ поврежденіе ума.
Она горячкой пламенѣтъ
Она свой жаръ, свой бредъ имѣтъ,
Сны злые, призраки свои.
Помилуй Богъ, друзья мои,
Мучительнѣй нѣтъ въ мірѣ казни
Ея терзаній роковыхъ.
Повѣрьте мнѣ, кто вынесъ ихъ,
Тотъ ужъ, конечно, безъ боязни
Взойдетъ на пламенный костеръ
Иль шею склонитъ подъ топоръ.

(Евг. Онѣг., гл. 6, стр. 15)

... всѣ дороги занесло
Хоть убей, слѣда не видно,
Сбились мы, что дѣлать намъ!
Въ полѣ бѣсъ насъ водить, видно,
Да кружить по сторонамъ.

Что же случилось, помимо пошлыхъ дипломовъ и пасквилей, ухаживаній Дантеса, сужденій свѣта и пр., — гдѣ произошелъ надломъ жизни, отклоненіе ея пути отъ собственной траекторіи?

Когда Пушкинъ встрѣтилъ свою будущую жену, она была 16-лѣтней дѣвочкой. Онъ плѣнился ея красотой, которая заставила снова зазвенѣть струны его лиры и всколыхнула глубочайшій слой его души. Онъ созерцалъ ее, благоговѣя „богомольно передъ святыней красоты“, о ней онъ писалъ: „Творецъ тебя послалъ, моя Мадонна, чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ“. Она стала грезой его вдохновенія. Но эта красота была только красотой, формой безъ содержанія, обманчивымъ осіяніемъ.

Не будь Гончарова красавицей, Пушкинъ прошелъ бы мимо, ея просто не замѣтивъ. Но теперь онъ сдѣлался невольникомъ — уже не красоты, а Натальи Гончаровой. Это было первое трагическое противорѣчіе, влекущее къ трагической гибели Пушкина. Достоевскій говоритъ о соблазнительномъ смѣшеніи мадонны и вены подъ покровомъ красоты. Здѣсь же соединились „мадонна“ и фрейлина петербургскаго двора, свѣтская дама съ обывательской психологіей. И кромѣ того, Пушкинъ вступилъ въ бракъ съ предметомъ своего поэтическаго поклоненія, желая въ тоже время получить въ ней „хозяйку“ и жену. Въ Пушкинѣ, въ свое время отдавшемъ полную дань безпутству молодости, теперь пробудился отецъ и семьянинъ (хотя, впрочемъ, отнюдь не безупречный). Письма его къ женѣ исполнены семейственныхъ чувствъ и заботъ, даютъ тому трогательное свидѣтельство. Но всеобщее поклоненіе женѣ Пушкина было отнюдь не „богомольнымъ благоговѣніемъ передъ святыней красоты“, а обычнымъ волокитствомъ, получившемъ для себя наиболѣе яркое выраженіе въ образѣ Дантеса. Собственное же „благоговѣніе“, или поэтическое созерцаніе красоты въ Пушкинѣ превратилось въ изступленную ревность, настоящее безуміе страсти. Тотъ, сначала подъ пепломъ глѣбующій огонь,

затѣмъ бурно вспыхнувшее пламя, мы мучительно наблюдаемъ въ послѣдніе годы жизни Пушкина. Время отъ времени невольникъ хочетъ сбросить съ себя эти цѣпи, вырваться изъ заколдованнаго круга петербургскаго двора, уѣхать въ деревню¹⁸⁾, но эти порывы остаются безсильны: дворъ, жена, обстоятельства его не отпускаютъ, да и сохранялась ли къ тому достаточно твердая воля, не разслабленная неволей? Пушкинъ спасается въ творествѣ, пророкъ ищетъ себѣ убѣжища въ поэтѣ. Поэтический даръ Пушкина не ослабѣваетъ. Правда, онъ уже не достигаетъ тѣхъ духовныхъ восхожденій, къ которымъ призываетъ пророкъ. Пророческое творчество въ немъ, извнѣ столь „апполиническое“, уживается съ мрачными безднами трагическаго діонисизма, сосуществованіемъ двухъ плановъ, въ которыхъ творчество продолжаетъ свою жизнь преимущественно какъ писательство. Для многихъ писателей, если не для большинства, такая дупланность является удовлетворяющимъ жизненнымъ исходомъ, духовнымъ обывательствомъ, увенчиваемымъ музой. Такъ для многихъ, но не для Пушкина. Ибо Пушкинъ былъ Пушкинъ, и его жизнь не могла и не должна была благополучно вмѣщаться въ двухъ раздѣльныхъ планахъ. Расплавленная лава страсти легко разрываетъ тонкую кору призрачнаго апполинизма, начинается изверженіе.

Совершилось смѣщеніе духовнаго центра. Равновѣсіе, необходимое для творчества, было утрачено, и эта утрата лишь прикрывалась его желѣзнымъ самообладаніемъ. Духовный источникъ творчества изсякалъ, несмотря на то, что въ его распоряженіи оставались всѣ художественныя средства его поэтическаго дара, вся палитра красокъ. Дойдя до роковой черты барьера, онъ сталъ передъ жребіемъ: убить, или быть убитымъ. Конечно, Пушкинъ, если бы рокъ судилъ ему стать убійцей, оказался бы выше своего Онегина, и никогда бы не смогъ позабыть это и опуститься до его духовной пустоты. Во всякомъ случаѣ, за этой гранью все равно должна начаться для него новая жизнь съ уничтоженіемъ двухъ плановъ, съ

---

¹⁸⁾ Послѣ стихотворенія „Пора, мой другъ, пора“, читаемъ приписку: „о, скоро ли перенесу я мои пенаты въ деревню! Поля, садъ, крестьяне, книги, труды поэтическіе, семья, любовь. Религія, смерть“.

торжествомъ одного, того высшего плана, къ которому былъ онъ призванъ „въ пустынь“.

Является превышающимъ человѣческое вѣдѣніе судить, доступно ли было для души Пушкина новое рожденіе на путяхъ жизни. Но Промыслъ Божій судилъ иначе: этимъ новымъ рожденіемъ для него явилась смерть, и путь къ нему шель черезъ врата смерти. Трагическая гибель явилась катарсисомъ въ его трагической жизни, очищенная и свободная вознеслась душа Пушкина. Въ этого трагическаго смысла смерть Пушкина была бы недостойна его жизни и творчества, явилась бы подлинно величайшей безсмыслицей или случайностью. И лишь этотъ спасительный катарсисъ исполняетъ ее трагическимъ и величественнымъ смысломъ, который дано было ему явить на смертномъ одрѣ въ великихъ предсмертныхъ страданіяхъ. Ими онъ покупалъ утраченную имъ свободу, освобождался отъ земного плѣна, восходя въ обитель Вѣчной Красоты.

6.

Въ трагедіи Пушкина обнаружилась вся недостаточность для жизни и только одной поэзіи, ибо писатель, даже гениальный, еще не исчерпываетъ и не опредѣляетъ собой человѣка. Въ исторіи дуэли и смерти Пушкина мы наблюдаемъ два чередующихся образа: разъяреннаго льва, который можетъ быть даже прекрасенъ, а вмѣстѣ и страшенъ въ царственной лъвиности своей природы, и просвѣтленнаго христіанина, безропотно и умиренно отходящаго въ покой свой.

Этотъ образъ сохраненъ для насъ Жуковскимъ, вмѣстѣ съ другими свидѣтелями смерти Пушкина. Свидѣтельство Жуковскаго убѣдительно одинаково какъ положительными чертами, такъ и отсутствіемъ диссонансовъ, даже если допустить известную стилизацію. Этого нельзя выдумать и сочинить даже Жуковскому. Въ умиряющемъ Пушкинѣ отступаетъ все то, что было присуще ему наканунѣ дуэли. Происходитъ явное преображеніе его духовнаго лика, — духовное чудо. Изъ-подъ почернѣвшаго внѣшняго слоя просвѣтляется „обновленный“ ликъ, свѣтоносный образъ Пушкина, всепрощающій, незлобивый, съ мужественной покорностью смотрящій въ лицо смерти, до-

стигающій того духовнаго мира, который былъ имъ утраченъ въ страсти. Заповѣдь: любите враги ваши — стала для него доступной. Онъ примирился, простилъ враговъ, крови которыхъ онъ только что жаждалъ Простая дѣтская вѣра въ Бога и Его милосердіе, столь свойственная свѣтлой дѣтскости его духа, озаряетъ его своимъ миромъ. Принявъ напутствіе церковное, онъ благословляетъ семью, прощается съ друзьями и безропотно и безстрашно отстрадываетъ послѣдніе часы. Мы можемъ опознать какъ бы отдѣльные моменты въ этой геесиманской ночи, различить наступавшія ея свершенія въ этихъ тѣлесныхъ страданіяхъ смертной тоскѣ, таившей страшныя муки раскаянія и ужаса передъ содѣянными. Но все это было побѣждено христіанскимъ довѣріемъ къ Промыслу: да будетъ воля Твоя! На смертномъ одрѣ поэтъ-христіанинъ въ молчаніи своемъ снова поднимается до просвѣтленія пророка, черезъ смерть восходя къ къ духовному воскресенію...

Земная жизньъ уже закончилась на дуэли. Наступилъ лишь краткій, но рѣшительный эпилогъ, въ которомъ въ священномъ молчаніи изжито было ея содержаніе, подведены итоги. Часы и минуты переживались какъ годы. Спадали ветхой чешуей чуждыя краски, утихали страсти, отъ спасительнаго взрыва обнажалась первозданная стихія.

„... Я долго смотрѣлъ одинъ ему въ лицо послѣ смерти (пишетъ Жуковский). Никогда на этомъ лицѣ я не видѣлъ ничего подобнаго тому, что было на немъ въ эту первую минуту смерти... Это было не сонъ и не покой. Это не было выраженіе ума, столь прежде свойственное этому лицу. Это не было также выраженіе поэтическое. Нѣтъ какая то глубокая удивительная мысль на немъ разливалась, что то похожее на видѣніе, на какое то полное, глубокое, удовольствованное знаніе... Въ эту минуту, можно сказать, я видѣлъ самое смерть, божественно тайную смерть безъ покрывала“.

Кончина Пушкина озарена потустороннимъ свѣтомъ. Она является разрѣшительнымъ аккордомъ въ его духовной трагедіи, есть ея катарсисъ. Онъ представляется достойнымъ завершеніемъ жизни великаго поэта и въ этомъ смыслѣ какъ бы его апоѳеозомъ.

Прот. С. Булгаковъ.

Ликъ Пушкина

Творится всякій разъ что-то необычайное, какъ только русскіе соприкасаются съ Пушкинымъ. Пушкинскіе юбилеи приводятъ въ движеніе весь русский міръ. А сейчасъ это начало передаваться и всему чужестранному міру. Обычное юбилейное торжество вдругъ переходитъ въ какую-то духовную раскачку, переливающуюся черезъ края всякой официальнойности. Умы пробуждаются, сердца окрыляются. Говорятся слова чрезвычайныя. Случается что то само по себѣ достопамятное, что приростае къ памяти Пушкина и ее все болѣе и болѣе увеличиваетъ. Напримѣръ, рѣчь Достоевскаго. Души бодрѣютъ, молодѣютъ, вдохновляются новыми надеждами, чуютъ откровеніе какого-то радостнаго смысла жизни. Всѣ, не сговариваясь, на разные лады повторяютъ, очарованные: „чудо! чудо!“, „тайна!“.

Да, не подлежитъ никакому сомнѣнію, Пушкинъ для русскаго сердца есть чудесная тайна, теперь уже пріоткрытая и угаданная. Можетъ быть, откроется со временемъ и всему міру. *И дѣло тутъ не въ литературѣ только.* Литературу только-міръ умѣетъ цѣнить довольно точно. А Пушкина иностранцы схватить не могутъ и лишь очень немногіе изъ нихъ способны почувствовать въ немъ что-то необычайное.

Конечно, Пушкинъ величайшій поэтъ, мастеръ универсальнѣйшаго изъ искусствъ — искусства слова. Владѣющіе этимъ искусствомъ въ древности прямо признавались вѣщателями Божьей воли, а въ новѣйшія безвѣрныя времена заняли мѣсто какъ бы свѣтскаго евангелія.

Конечно, Пушкинъ чародѣй родного языка, закончившій его чеканку, какъ языка совершеннаго, мірового. Говоритъ по русски — теперь значитъ говорить на пушкинскомъ языкѣ.

Конечно, Пушкинъ отецъ, глава и классическій образецъ всей новѣйшей живой, читаемой, а не ископаемой, русской литературы. Уже личные друзья Пушкина увидѣли въ немъ „солнце русской литературы“.

Вѣщій Гоголь, съ его склонностью къ гиперболамъ, потрясавшійся гениемъ Пушкина, считавшій себя какъ бы порожденіемъ его въ своихъ творческихъ замыслахъ, сказалъ намъ нѣчто большее. Онъ еще при жизни Пушкина разгадалъ тайну его личности. Уже въ 1832 г. Гоголь провозгласилъ: „Пушкинъ есть явленіе чрезвычайное и, можетъ быть, единственное явленіе русскаго духа : это русскій человѣкъ въ его развитіи, въ какомъ онъ можетъ быть явится черезъ 200 лѣтъ“. Этимъ своимъ пророческимъ выкрикомъ Гоголь сдвинулъ обсужденіе Пушкина съ рельсъ только литературы и приковалъ русское вниманіе къ *самому лицу Пушкина*, почуявъ въ немъ что то сверхличное, назвавъ его „явленіемъ“, событіемъ во всей исторіи русскаго народа, чреватымъ въ далекомъ будущемъ великими послѣдствіями. Гоголь даже не удержался выговорить вслухъ свое ощущеніе, что явленіе-то Пушкина, при всей его феноменальности, едва ли и не единственное! И въ самомъ дѣлѣ, кромѣ неповторимости вообще всего прошедшаго, если это былъ золотой вѣкъ нашей литературы, то онъ символически и единственный разъ навсегда. Гоголь этимъ актомъ провозглашенія Пушкина не писателемъ только, а русскимъ „явленіемъ“, снялъ его портретъ со стѣнъ галлерей литературы и помѣстилъ въ Пантеонъ великихъ людей Россіи вообще. И еще болѣе : Гоголь въ нѣкоемъ священномъ безуміи дерзнулъ какъ бы канонизовать Пушкина еще при жизни. Такъ теургически страшно бываетъ превращеніе чтимаго лица, о которомъ наканунѣ еще поютъ панихиду, а назавтра ему уже служатъ молебень.

Пушкинъ, дѣйствительно, выросъ въ русскомъ сознаніи въ несравнимую величественную гору, самъ сталъ русскимъ Олимпомъ. Въ Пушкинѣ открылся *величественный ликъ самой Россіи*. „Пушкинъ наше все“... — разсуждаетъ въ 1859 г. Аполлонъ Григорьевъ — „Пушкинъ — пока единственный полный очеркъ нашей народной личности“. Въ 1880 г. Достоевскій подхватываетъ опредѣленіе Гоголя о Пушкинѣ, какъ явленіи чрезвычайномъ и заостряетъ его

еще точнѣйшимъ эпитетомъ: „и — пророческое!“ „Пророческое“, очевидно, въ смыслѣ указанія на судьбы Россіи и русскаго народа и *черезъ самое лицо Пушкина*, а не только чрезъ его творчество. Вѣрнѣе — черезъ все это вмѣстѣ, но съ удареніемъ на лицѣ.

Самъ Пушкинъ великъ, а потому велико и его слово. Вотъ въ чемъ — „тайна и чудо“. У великихъ людей важно не только то, „что“ они говорятъ, но и „какъ“. Они говорятъ „со властію“, а не какъ прочіе „книжники“. Ихъ огромная душа рождаетъ слова потрясающія, грому подобныя, чарующія, покоряющія, „несказанныя“ для людей обыкновенныхъ. Величіе великихъ людей даетъ себя знать въ ихъ словѣ воочію и, такъ сказать, наощупь. Стоитъ, напримѣръ, перелистать письма и резолюціи Петра Великаго, чтобы испытать почти физическое давленіе его ума и характера. Нѣчто подобное излучается изъ строкъ Митроп. Филарета. Подъ словами великихъ буквально шевелится и передаетъ вамъ свой шокъ ихъ могучая душа:

„Душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ“

„Самый умный человѣкъ въ Россіи“ — сказалъ о Пушкинѣ Николай Павловичъ, не безъ страха передъ его умомъ взявшій его подъ свою цензуру. И вотъ, когда этотъ умнѣйшій и сверходаренный сынъ Россіи отразилъ въ своемъ волхвующемъ словѣ русскую жизнь — природу, исторію, душу, и жизнь всемірную, *произошло нѣчто сверхъ-литературное, свершилось нѣкое событіе*, неложное достиженіе въ исторіи русской культуры. Она взшла на нѣкую общечеловѣческую высоту, достигла классическаго равноправія, стала всемірной. Россія увидѣла свое прекрасное, идеальное величіе въ зеркалѣ Пушкина. И признала, что сверхчеловѣческое слово Пушкина есть ея слово о себѣ самой. *Русское великодержавное и міровое культурное самосознаніе и призваніе кристаллизовались*. Начиная отъ Пушкина, мы не иначе можемъ мыслить себя, какъ только великой міровой націей. Потому и сказалъ про Пушкина Тютчевъ:

„Тебя, какъ первую любовь,
Россіи сердце не забудетъ!“

Развѣ можно Россіи забыть самое себя?! Пушкинъ таинственно сталъ alter ego Россіи, — ея другимъ „я“. Россія стала неотдѣлима отъ Пушкина, а онъ отъ нея. Лицо и сердце Россіи стали „пушкинскими“, ибо *тайна „явленія“ Пушкина* и заключена въ томъ, что великій Пушкинъ есть *личное воплощеніе величія души Россіи*. Великъ онъ, ибо онъ рожденъ великимъ народомъ. И народъ, возглавляемый столь великимъ, обязанъ быть его достойнымъ.

Жалкіе кретины материализма, осѣдлавъ временный „русскій бунтъ, бессмысленный и беспощадный“, безсильно попытались было разорвать эту роковую для нихъ связь, но перемѣнили тактику и должны были преклониться предъ непобѣдимостью Пушкина. Теперь они временно тѣшатъ себя бездарнымъ и лживымъ размалевываніемъ его по подобію своего духовнаго безобразія. Безнадежный трудъ!

„Художникъ — варваръ кистью сонной
Картину генія чернить
И свой рисунокъ беззаконный
Надъ ней бессмысленно чертить.

* * *

Но краски чуждыя, съ лѣтами,
Спадаютъ ветхой чешуей
Созданье генія предъ нами
Выходитъ съ прежней красотой“.

Нельзя ни поддѣлать Пушкина, ни обмануть сердца народнаго. Пушкинъ говоритъ самъ за себя. И какъ ни „сѣръ“, по поговоркѣ, „русскій мужикъ, но умъ то у него не волкъ съѣлъ“. Фальшивомонетки народнаго просвѣщенія на коммунистической мякинѣ его не проведутъ. Въ Пушкинѣ одурманяемый народъ найдетъ самого себя. Сердце сердцу вѣсть подаетъ. И, какъ за зиму околѣвшая земля отходитъ подъ вешними лучами, такъ подъ пушкинскимъ солнышкомъ и сейчасъ творится исправленіе падавшей и заблуждавшейся души народной :

„Такъ исчезаютъ заблужденья
Съ измученной души моей,
И возникаютъ въ ней видѣнья
Первоначальныхъ чистыхъ дней“.

Не въ первый разъ уже наша страна, „рабскимъ игомъ клеймена“, и вновь становилась свободной.

„Неволя заставитъ пройти черезъ грязь, —
Купаться въ ней свиньи лишь могутъ“.

Душа національная едина у обѣихъ раздѣленныхъ частей Россіи — зарубежной и подъяремной. Онѣ — сообщающіеся сосуды. А мы видимъ, что творится съ нами въ эти пушкинскіе дни. Мы вновь ощущаемъ, какъ живую аксіому, что Россія наканунѣ воскресенія подъ знакомъ Пушкина; что она или вновь станетъ пушкинской Россіей, или ея вовсе не будетъ. Коммунистическая маска уже отстаетъ отъ ея родного лица, какъ накладная „ветхая чешуя“. А „онъ“ — прекрасный царевичъ — вѣрный женихъ души народной ждетъ съ распростертыми объятіями, что вотъ — вотъ расколдутся демонскія чары и спадутъ съ лица невѣсты искажившія ея человѣческую красоту низшія, звѣриныя черты.

Тутъ мы касаемся новой грани въ сложной тайнѣ лица Пушкина. Надо признаться, что образъ жениха и невѣсты мы привели не для риторики, а для буквального опредѣленія именно *брачной любви* національной *русской души* къ Пушкину, какъ къ ея несравненному избраннику. И это не въ какой то собирательной отвлеченности, а въ живой, частной психологіи каждаго изъ насъ. Поскольку мы подлинно русскіе — среди насъ нѣтъ нелюбящихъ Пушкина. Русскому такая любовь врождена, впитана съ материнскимъ молокомъ нашего „пушкинскаго языка“. Писаревщина — одно изъ извращеній революціоннаго хамства. А прямое похуленіе Пушкина было бы іудинствомъ, измѣной отечеству, да и просто немислимымъ преступленіемъ. Наоборотъ, въ русской природѣ вещей существуютъ только разныя степени температуры любви къ Пушкину и именно къ *живому лицу Пушкина*.

Много великихъ людей и писателей въ землѣ русской, но пока явился одинъ только Пушкинизмъ, а не возникло того же около имени Ломоносова, ни Суворова, ни Толстого. И это не одно только подражаніе Шекспирианству и Гетеанству, а стихійное увлеченіе, исключющее всякую мысль о конкуренціи. И если пушкинисты — „спецы“ сосредоточиваются

на текстѣ и генезисѣ писаній поэта (въ этомъ дѣлѣ имъ и книги въ руки), то всѣ мы — русскіе, профаны въ искусствѣ и литературѣ, мы всѣ поголовно тоже пушкинисты, такъ сказать, пассивные. Наша всеобщая пассія — біографія Пушкина. Его лицо, его бытъ, его среда, его время — весь воздухъ, которымъ онъ дышалъ, влекутъ насъ къ себѣ съ неизъяснимою безоглядностью, съ какою то врожденной намъ естественностью. Именно врожденной, потому что въ пушкинской біографіи мы погружаемся какъ бы въ свое собственное, личное, обидеализированное, какъ „утро дней“, прекрасное, какъ потерянный рай, невозвратимое прошлое. Это грезы русской Психеи о своемъ единственномъ суженомъ. Если при чтеніи „Дѣтства, отрочества и юности“ Л. Толстого и повѣстей Тургенева многіе изъ насъ переживали подобное же „самовнушеніе“, будто рѣчь идетъ о насъ самихъ, то это на той же основѣ сродства души писателей съ душой народной, но въ степени несравнимо меньшей, ибо нѣтъ того повелительнаго *влеченія именно къ лицу писателя*. Никакой археологическій культъ писательскихъ реликвій не волнуетъ насъ такъ, какъ пушкинскія реликвіи. Русскія сердца прямо физически ноютъ отъ приближенія къ нимъ, отъ однѣхъ думъ о нихъ. Это — брачная тайна, *тайна единственности любви*.

Развѣ въ эти дни, вновь перечитывая свидѣтельства участниковъ послѣднихъ страдальческихъ дней Пушкина, развѣ мы не возвышались въ состраданіи ему до высотъ „страстныхъ“ переживаній, при видѣ и невиннаго страдальца и вмѣстѣ великодушно кающагося благоразумнаго разбойника, спасающагося „о единомъ часѣ“? Чья смерть, чья кончина изъ русскихъ великихъ людей такъ же несравнимо жгуче, садняще записалась на скрижаляхъ русскаго сердца плотняныхъ? Ничья. Это — послѣдствіе „явленія чрезвычайнаго и, можетъ быть, единственнаго“. Это инстинктивное соборное избранничество національной души своего вождя и пророка. Своего рода свѣтская, мірская, канонизація снизу, чрезъ „гласъ народа“, какъ творятся и всякія подлинныя канонизаціи. Официальное признаніе сверху лишь запечатлѣваетъ сложившійся фактъ.

Въ календаряхъ культуры всѣхъ народовъ есть такіе избранные излюбленные лики, которыми любу-

ется и утѣшается народная душа, своего рода свѣтскіе святыя. Какъ есть подобнаго рода исключительно цѣнными и произведенія національной литературы. Иногда это совпадаетъ съ лицами авторовъ, иногда нѣтъ. Тутъ нѣтъ права и закона. Тутъ „благодать любви“. Ее нельзя изъяснить, мотивировать до конца; можно лишь отчасти и приблизительно. Это — „священные писанія“ народовъ и герои національныхъ „священныхъ исторій“. Развѣ въ силахъ кто-нибудь развѣнчать потрясающую трогательность исторіи Авраама, Іосифа, Руфи, Давида, Иліи? Кто посягнетъ на умаленіе трагической смерти Сократа, чудесности Александра Македонскаго, священности любви Данте къ Беатриче, благородства Вильгельма Телля, феноменальности Наполеона? Ихъ не вырвать изъ памяти націй. Это *образы изъ свѣтской библіи народовъ*. Ихъ біографіи, большей частью окутанные мифами, воспринимаются національными сердцами какъ „житія“, умиляющія и возвышающія духъ. Также „житійно“ влечетъ насъ и приковываетъ къ себѣ и ослѣпительный образъ Пушкина. Такъ было и такъ будетъ со всякимъ русскимъ изъ простого народа, кто изъ міра Четвѣхъ-Миней св. Дмитрія Ростовскаго (или теперь изъ убогаго міра марксистской иконографіи) войдетъ въ иной міръ свѣтской культуры.

А почему эти свѣтскія „священные писанія“ народовъ, эти посвѣтски „библейскіе и житійные“ герои не только не сливаются (такое пожеланіе было бы наивнымъ), не только не гармонируютъ съ міромъ новозавѣтнымъ и церковнымъ, но, кажется, не имѣютъ и надежды помышлять объ этомъ? Тутъ трагическая тайна религіи, которую не затушевывать и не разъяснить никакими апологетическими комментаріями. Какъ выражался В. В. Розановъ, предъ „моновѣткомъ Іисусомъ“ всѣ полевья лиліи свѣтской культуры суть тлѣнь, прахъ и суета...

Но мы то земнородные и не по своей, а по Божьей волѣ творящіе земную исторію — мы то не перестанемъ — ибо не имѣемъ никакого нравственнаго права перестать — нести эти цѣнности свѣтской культуры подъ знамя Христа и Церкви въ твердомъ упованіи, что Господь спасетъ и преобразитъ ихъ, какъ и насъ грѣшныхъ, „ими же вѣсть Онъ судьбами“. Когда и какъ? Тайна закрыта до времени, но

должна открыться. „Толците и отверзется“ . . . И когда то вся психея Россіи и земной женихъ ея — многогрѣшный рабъ Божій Александръ и всѣ мы, „вѣрныя чада ея“, войдемъ въ чертогъ брачный Жениха Вѣчнаго, Несравненнаго . . .

А пока въ земномъ нашемъ „странствіи“; мы идемъ подъ знакомъ земного избранника русскаго сердца, нашего подлиннаго вождя и пророка.

Тайна Пушкина—сверхъ-литературная, тайна русская — пророческая.

А. Карташевъ.

Парижъ, 19 II 1937.

Аполлонъ и Діонисъ въ творчествѣ Пушкина

*Посвящается о. протоіерею
Сергію Булгакову.*

Я помню чудное мгновенье :
Передо мной явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты.

Это стихотвореніе, ассоціировавшееся въ одно цѣлое съ музыкой Глинки, чаруетъ насъ по сей день своей непостижимой „моцартовой“ прозрачностью, своимъ абсолютнымъ равновѣсіемъ. Однако ближайшій анализъ показываетъ намъ, что словесный составъ стихотворенія и даже его фонетическая мелодія представляютъ господство общихъ мѣстъ, принятыхъ въ 30-хъ годахъ (то же замѣчаніе можно сдѣлать и по поводу глинковской музыки). И при всемъ томъ это стихотвореніе — всецѣлый и неотъемлемый плодъ Пушкинской музыки. *Le génie prend son bien ou il le trouve.* Пойдемъ дальше и глубже, ибо генія нужно цѣнить въ цѣломъ.

Для береговъ отчизны дальней
Ты покидала край родной
Въ часъ незабвенный, въ часъ печальный
Я долго плакалъ надъ тобой.

Въ этомъ самомъ совершенномъ стихотвореніи русской поэтической сокровищницы насъ поражаетъ та же простота, то же какъ будто бы равновѣсіе и слокойствіе... Все стихотвореніе залито лучами южнаго солнца. Выражаясь словами Гоголя, можно сказать: несѣверною силою дышетъ оно — пламенный

полдень запечатлѣлся на немъ“. Серебристая листва оливы и лѣнивая ласка воды, „дремлющихъ подъ скалами“ — не только фонъ, на которомъ разыгрывается погребальная мистерія эротической любви: стихотвореніе „Для береговъ отчизны дальней“ неотдѣлимо отъ видѣнія южной средиземноморской красоты, такъ же какъ рѣчи Платонова „Пира“ и „Федра“, какъ орфическія и діонисическія таинства, такъ же какъ тоска полумифическаго артиста, ищущаго Эвридику... Пушкина съ Орфеемъ сближаетъ въ данномъ случаѣ жуткая некрофилическая строфа:

Твоя краса, твои страданья
Исчезли въ урнѣ гробовой,
Исчезъ и поцѣлуй свиданья,
Но жду его: онъ за тобой.

По мѣрѣ погруженія въ творчество Пушкина, все болѣе и болѣе убѣждаешься, что его „равновѣсіе“ куплено цѣной дорогой жертвы Аполлону, т.-е., мѣрному совершенству формы, за которымъ все время шезелится древній діонисическій хаосъ... начинаешь понимать, что самое это прославленное равновѣсіе— лишь прекрасная, необходимая для существованія артистическаго шедевра поверхность. Отсутствіе подчеркиванія и аффектаціи, принципъ наибольшаго эффекта при наименьшихъ средствахъ, проведенъ здѣсь и выдержанъ Пушкинымъ до конца. Наибольшій эффектъ произведенъ самымъ обычнымъ и постоянно употребляющимся въ жизни междометіемъ „увы“... но какъ оно помѣщено, это междометіе, и съ какой силой оно надаеть!

Ты говорила въ день свиданья
Подъ небомъ вѣчнымъ голубымъ,
Въ тѣни оливы любви лобзанья,
Мой другъ, мы вновь соединимъ.

Но тамъ, увы! гдѣ неба своды
Сіяютъ въ блескѣ голубомъ,
Гдѣ подъ скалами дремлютъ воды,
Уснула ты послѣднимъ сномъ.

Оставивъ въ сторонѣ полное совершенство инструментальное использованіе буквы „л“, кажется

никогда не перестанешь изумляться этому „увы“, которое звучит грозно и печально, какъ ударъ, наносимый въ сердце ангеломъ смерти. Впечатлѣніе, производимое этимъ „увы“, тѣмъ болѣе подавляюще, что ему предшествуетъ выраженіе надежды: намъ въ душу смотритъ темный ликъ въ вѣнцѣ изъ солнечныхъ лучей. Бородинъ, писавшій музыку къ этому стихотворенію, прибѣгнулъ къ соотвѣтствующему приему, изобрѣтенному Бетховеномъ: длящаяся неопредѣленность тональности отбѣняетъ съ особой силой фатальную горечь минора, ударяющаго какъ тяжкій комъ земли о крышку гроба, какъ несомнѣнная вѣсть о случившемся непоправимомъ несчастіи. Пушкинъ повторилъ и расширилъ этотъ приемъ въ абсолютно совершенной по формѣ „Русалкѣ“, гдѣ среди всеобщаго веселья свадебнаго обряда одинокой и таинственный голосъ поетъ о самоубійствѣ дочери мельника.

Сватушка, догадайся,
За мошоночку принимайся.
Въ мошнѣ денежка шевелится,
Краснымъ дѣвушкамъ норовится.

С в а т ь :

Насмѣшницы, ужъ выбрали вы пѣсню.
На, на, возьмите, не корите свата.
(Дарить дѣвушекъ).

О д и н ь г о л о с ь :

По камушкамъ, по желтому песочку
Пробѣгала быстрая рѣчка;
Въ быстрой рѣчкѣ гуляютъ двѣ рыбки;
Двѣ рыбки, двѣ малыя плотицы.
А слыхала-ль ты, рыбка-сестрица,
Про вѣсти-то наши, про рѣчныя,
Какъ вечеръ у насъ красна дѣвица утопилась,
Утопая, милого друга проклинала.

С в а т ь :

Красавицы, да что это за пѣсня
Она, кажись, не свадебная, нѣтъ.
Кто выбралъ эту пѣсню, а?

Д ѣ в у ш к и :

Не я;

Не я, не мы...

С в а т ь :

Да кто же пропѣлъ ее?

(Шопоть и смятеніе между дѣвушками).

К н я з ь :

Я знаю кто.

Все творчество Пушкина — это блескъ лѣтняго полдня, въ которомъ звучить это „увь“; свадебный пирь „князя“, преизбытокъ формальной красоты, совершенная гармонія какъ будто бы „искусства для искусства“, куда врывается вѣсть изъ того міра — грозный голосъ подземныхъ „хтоническихъ боговъ“ — и сбиваетъ съ толку построенія всѣхъ формалистовъ, всѣхъ усматривающихъ въ творествѣ Пушкина выраженіе внутренняго равновѣсія и благополучія — въ то время какъ „уравновѣшена“ и „благополучна“ у него только форма, „свадебный обрядъ“ творчества — да и то до поры, до времени.

С в а х а :

Все хорошо, одно не хорошо.

Д р у ж к а :

А что?

С в а х а :

Да не къ добру пропѣли эту пѣсню,
Не свадебную, а Богъ вѣсть какую.

Конечно, Пушкинъ — авторъ не только пламеннаго „Пророка“ и псаломнаго „Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день“, но и прохладной, какъ утрення заря, „Вакхической пѣсни“, сдержанный и ультра-классическій тонъ которой нашель себѣ интерпретацію въ академической музѣ Глазунова. Но надо быть очень нечуткимъ, что бы не замѣтить, какъ, вооружившись классической мѣрностью, Пушкинъ заклиняетъ міръ, гдѣ царствуетъ Геката и прочія хтоническія божества, и призываетъ солнечнаго бога Аполлона противъ „чарь ночныхъ“ Діониса, противъ всякаго колдовства и наговора, даже противъ „метафизики“, которую онъ клеймитъ эпитетомъ „ложной мудрости“:

Какъ эта лампада блѣднѣтъ
Предъ яснымъ восходомъ зари,
Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣтъ
Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума.
Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!

Попытки спасенія отъ . . . „древняго хаоса“ черезъ равновѣсіе формы проходятъ черезъ всю исторію человѣческаго творчества . . . да и само искусство можетъ быть названо какъ „преодоленный хаосъ“. Но закліятія, самыя сильныя, самое высокое совершенство формы часто бывають тщетны. Таинственная стихія, вызываемая на дневную поверхность принятіемъ „божественнаго напитка“, возливаемого на трагической алтарь, неудержимо бушуетъ и катастрофа въ томъ или иномъ смыслѣ совершается. И возникаетъ радикальная для нашего христіанскаго послѣбиблейскаго, послѣантичнаго времени тема, которую не можетъ миновать философія искусства: роза или крестъ?

Артистъ — существо двойственное, даже двусмысленное — онъ живетъ между рокомъ и крестомъ. Творчество вызывается тайной этого двусмысленнаго положенія, и потому рокъ онъ переживаетъ, какъ крестъ и крестъ, какъ рокъ. Этимъ мы хотимъ сказать, что для артиста, помимо большого Голгофскаго Креста, котораго ему, какъ человѣку, не миновать, существуетъ еще, поскольку онъ артистъ — „малый крестъ“, тайна творчества, которымъ преодолевается діонисической хаосъ. Этотъ „малый крестъ“ — есть требованіе совершенства, аполлинизма. Въ чемъ тайна этого преодолевшаго хаосъ аполлинизма, какво его отношеніе къ діонисическому хаосу и къ проблемѣ самодовлѣющаго мастерства („искусство для искусства“) и искусства служебнаго („тенденціознаго“)? И что даетъ намъ для рѣшенія этой въ высшей степени важной проблемы урокъ Пушкина, въ извѣстномъ смыслѣ центрального явленія русской культуры?

Мифъ о Галатеѣ и Пигмалионѣ говоритъ намъ о томъ, что произведеніе искусства для того, чтобы ожить послѣ смерти, должно стать мертвымъ мраморомъ. Здѣсь оправдывается символъ „мертвой и живой воды“: умершій Діонисъ воскресаетъ въ красотѣ Аполлона. Но тѣмъ, кто этого боится, такъ называе-

мымъ „людямъ жизни“, тѣмъ приходится продѣлывать обратный путь: быть живымъ въ Діонисѣ и мертвымъ въ Аполлонѣ. Впрочемъ, выигрышъ у „людей жизни“ и „обывателей“ получается небольшой: насытивши „безъ Аполлона“ свои такъ наз. страсти, обывательскій „Діонисъ“ (къ которому, „пока не требуется поэта къ священной жертвѣ Аполлонъ“, по слабости примыкаетъ почти всякій артистъ, примыкаль и Пушкинъ), безславно умираетъ отъ скуки. Авторъ „Евгенія Онѣгина“ выразилъ эту скуку „благополучнаго Діониса“ въ словахъ своего „Мефистофеля“:

Ты думалъ, агнецъ мой послушный,
Какъ жадно я тебя желалъ!
Какъ хитро въ дѣвѣ простодушной
Я грезы сердца возмущалъ!
Любви невольной, безкорыстной
Невинно предалась она...
Что-жъ грудь моя теперь полна
Тоской и скукой ненавистой.
На жертву прихоти моей
Гляжу, упившись наслажденьемъ,
Съ неодолимымъ отвращеньемъ:
Такъ безразсчетный дуралей,
Вотще рѣшась на злое дѣло,
Зарѣзавъ нищаго въ лѣсу,
Бранить ободранное тѣло;
Такъ на продажную красу,
Насытась ею торопливо,
Развратъ косится боязливо...
Потомъ изъ этого всего
Одно ты вывелъ заключенье. .

Таковъ плодъ непреображеннаго Діониса, — такова мечь Аполлона. Вся сцена изъ „Фауста“ — великолѣпное „доказательство отъ противнаго“ злыхъ, вполне сатанинскихъ послѣдствій пренебреженія творческой жертвой. Этими послѣдствіями являются мученія адской, безысходной скукой. Остается выходъ въ трагедію. Но артистъ, умерщвляющій Діониса, ради его аполлинистическаго инобытія вовлекается въ совершенно мучительный кругъ. Пушкинъ далъ намъ геніальные образчики символовъ этой трагедіи артиста — и, наконецъ, самъ сталъ уже на дѣлѣ трагическимъ героемъ.

Вчитываясь внимательно въ два важнѣйшихъ и по размѣрамъ и по совершенству произведенія Пушкина — въ „Евгенія Онѣгина“ и въ „Русалку“, мы замѣчаемъ поразительную аналогію не только внутренняго плана, но даже важнѣйшихъ образовъ и символовъ. И въ Евгеніи Онѣгинѣ и въ Князѣ прочно гнѣздится скучающій эпикуреецъ Донъ-Жуанъ. Тотъ и другой являются предметомъ любви чистыхъ дѣвушекъ, которыми они пренебрегаютъ, насытившись — одинъ въ смыслѣ мужского честолюбія, другой — обезчестивъ. Можно сказать, что обѣ дѣвушки — совершеннѣйшіе образцы женственной красоты въ русской поэзіи — вампирически высосаны и погублены. Впереди у нихъ (ихъ рокъ) — ледяное ложе — у Татьяны „бракъ по послушанію“, у дочери мельника — днѣпровское дно. Но далѣе съ ними совершается величавое символическое преображеніе. Таня превращается въ законодательницу высшаго свѣта:

У, какъ окружена
Крещенскимъ холодомъ она.

Дочь мельника, бросившись „безъ памяти“ въ воду

Отчаянной и презрѣнной дѣвчонкой
И въ глубинѣ Днѣпра-рѣки очнулась
Русалкою холодной и могучей.

Съ этого момента и начинается для Евгенія Онѣгина и для Князя „страшная месть“. Въ нихъ съ новой силой вспыхиваетъ любовь, съ которой они въ свое время артистически легче раздѣлались. Конечно, ни Онѣгинъ, ни Князь не поэты и не художники, но поведеніе ихъ по отношенію къ любящимъ ихъ дѣвушкамъ можно назвать вполне „артистическимъ“: это не какіе нибудь Вертеры, жалкіе любители въ „наукѣ страсти нѣжной“, но ея художники-виртуозы и специалисты. Обѣ дѣвушки — „объекты“ ихъ страшнаго искусства. Отнынѣ силой ихъ таинственнаго рока роли мѣняются:

Онѣгинъ, помните ль тотъ часъ,
Когда въ саду, въ аллеѣ насъ
Судьба свела и такъ смиренно
Урокъ вашъ выслушала я.
Сегодня очередь моя.

Евгеній Онѣгинъ не обезчестилъ, не убилъ до конца полюбившую его дѣвушку — и судъ надъ нимъ не такъ строгъ. Таня еще жива, она признается въ любви къ смирившемуся и покаявшемуся артисту „науки страсти нѣжной“, который на этотъ разъ забылъ всѣ свои пріемы и знанія въ этой области. Князь обезчестилъ и довелъ полюбившую его дѣвушку до самоубійства, а ея отца до сумасшествия и уже имѣетъ дѣло со страшнымъ потустороннимъ двойникомъ возлюбленной, которому дана ужасная задача: погубить губителя, совершить надъ нимъ праведный судъ, „страшную мечь“:

Я каждый день о мщеньи помышляю,
И нынѣ, кажется, мой часъ насталь.

Въ князѣ мученья вновь вспыхнувшей любви — только прелюдія того невыразимаго и страшнаго, чему должно свершиться по ту сторону... Преступника тянетъ на мѣсто преступленія и въ немъ начинаются муки бесплоднаго раскаянія:

Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ
Меня влечетъ невѣдомая сила.
Все здѣсь напоминаетъ мнѣ бывшее,
И вольной, красной юности моей
Любимую, хотъ горестную повѣсть.
Здѣсь нѣкогда меня встрѣчала
Свободнаго свободная любовь.
Я счастливъ былъ. Безумецъ... И я могъ
Такъ вѣтренно отъ счастья отказаться.
Печальныя, печальныя мечты
Вчерашняя мнѣ встрѣча оживила.
Отецъ несчастный. Какъ ужасенъ онъ.
Авось опять его сегодня встрѣчу
И согласится онъ оставить лѣсъ
И къ намъ переселиться...

(Русалочка выходитъ на берегъ)

Что я вижу!
Откуда ты, прелестное дитя?

. . . . .

Врядъ ли въ искусствѣ когда либо „неоконченное“ будто бы произведеніе было болѣе закончено.

Намъ дѣлается страшно, когда мы вспоминаемъ о томъ, что продолженіе и окончаніе „Русалки“ воспослѣдовало въ подлинной біографіи Пушкина. Онъ нашелъ свою „Русалку“, свою холодную какъ ледь жену, которая невольно оказалась орудіемъ высшаго суда и въ то же время высшей милости къ поэту. Живые люди, живыя человѣческія души не могутъ быть только объектами искусства, хотя бы самаго геніальнаго. „Малый крестъ“ артиста, преобразующаго страсти своихъ діонисическихъ бурь и объекты этихъ страстей въ аполлинистическіе образы художественнаго совершенства, влекутъ за собой большой Голгофскій Крестъ, которымъ покарано и искуплено „жестокое искусство“.

Въ русской литературѣ мы знаемъ гораздо болѣе тяжкій случай „страшной мести“, совершившейся надъ жестокостью артиста и человѣка — это творческія мытарства геніальнаго Фета, покараннаго загробной тѣнью его „объекта“ — Елены Лазичъ. Но это уже другая тема. Серьезность и трагизмъ творческой біографіи Пушкина состоятъ въ томъ, что онъ въ самомъ творествѣ свершилъ судъ надъ своимъ жестокимъ Аполлономъ и тѣмъ самымъ переросъ себя какъ артиста, показавъ, что онъ не только великій художникъ, но и великій человѣкъ.

В. Ильинъ.

Парижъ.

ACHEVÉ D'IMPRIMER
LE 18 AVRIL 1977
PAR JOSEPH FLOCH
MAITRE-IMPRIMEUR
A MAYENNE
N° 5980

НОВАЯ СЕРИЯ ПЕРЕИЗДАНИЙ

В эту серию войдут книги литературного, общественного и религиозно-философского содержания давно распроданные, а вместе с тем, по значению своему и качеству, необходимые широкому кругу читателей.

- 1 — К. МОЧУЛЬСКИЙ — Духовный путь Гоголя (с издания УМСА-PRESS, Париж 1934), 150 стр.
- 2 — В. ХОДАСЕВИЧ — Некрополь (с издания Брюссель 1939), 280 стр.
- 3 — Э. ГОЛЛЕРБАХ — В. В. Розанов (с издания Петроград 1922), 112 стр.
- 4 — М. ЦВЕТАЕВА — После России (1922-1925). Стихи. (с издания Париж 1928), 160 стр.
- 5 — Сергей БУЛГАКОВ — Тихие думы. Из статей 1911-15 гг. (с издания Г. А. Лемана и С. И. Сахарова. Москва 1918), 204 стр.
- 6 — Ф. И. ТЮТЧЕВ — Политические статьи (с издания Т-ва А. Ф. Маркс, С.-Петербург), 178 стр.
- 7 — К. ЧУКОВСКИЙ — Книга об Александре Блоке. (с издания Эпоха, Берлин 1922), 170 стр.
- 8 — А. РЕМИЗОВ — Огонь вещей (с издания Оплешиника, Париж 1954), 232 стр.
- 9 — ЛИК ПУШКИНА. Три речи: о С. Булгакова, А. Карташева, В. Ильина (с издания Путь Жизни, Печоры 1938), 48 стр.